

ЭДУАРД ВЕРКИН

ХРОНИКА СТРАНЫ МЕЧТЫ

СНЕЖНЫЕ ПСЫ

Хроника Страны Мечты

Эдуард Веркин

Снежные псы

«ЭКСМО»

Веркин Э. Н.

Снежные псы / Э. Н. Веркин — «Эксмо», — (Хроника Страны Мечты)

Мечты бывают разные. Представь, что кто-то сумел вообразить целый город, в котором есть улицы, дома, заводы, памятники... нет только людей. Одни белые медведи. И снег. Это странное место, где от холода замерзает даже пламя. Но именно здесь... Здесь безымянный герой тренирует трех белых драконов. Хватит ли им сил, чтобы сразиться с военной корпорацией из нашего мира? Здесь в секретном убежище Персиваль Безжалостный готовит новое совершенное оружие. К чему приведет его появление? Сюда направляется Лара – девочка, которая умеет разговаривать с животными и знает путь в Место Снов. Она хочет спасти последнего дракона, но на что она готова ради этого? Добро и зло сходятся в поединке не только в сказках. Однажды они встретятся в белом-белом городе. От исхода этой битвы будет зависеть будущее Мечты...

© Веркин Э. Н.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эдуард Веркин

Снежные псы

Глава 1

Полярная аэробика

Не люблю белых медведей.

Такие поганые твари! Гораздо хуже бурых, черных гималайских, губачей и других всяких там гризли. Хуже, честное слово. Даже внешним видом и то хуже. Убийцы. Глазки маленькие и все время выискивают, как бы кого задрать. Бурый, ну или там гризли, летом черники с лососем обожрется и сидит в кустах, никого не трогает. А этот сколько ни обжирается, все ему мало.

А самый главный недостаток у белых такой – когда кого-нибудь он, гад, все-таки замочит и все-таки сожрет, то у него это на морде сразу видно. И в прямом, и в переносном смысле. Вся его белая харя превращается сразу в красную, что отвратительно само по себе. И выражение на ней такое – «я тут сожрал двух аквалангистов, кого бы еще сожрать...».

Одно утешает – скоро это все кончится. Этот их весь, как в свое время говорил старина Ляжка, медвежий беспредел. Температура по всему шару повышается, Антарктика тает, Арктика тает, жить белым гадам негде, полезут на сушу, а там их комары загрызут. И вообще, брусникой они питаться вряд ли смогут, ведь не вегетарианцы. Так что лет двести им осталось, не больше, потом передохнут. Через двести лет я загляну в простой музей в соленом провинциальном Сиэтле, увижу набитого сушеными водорослями мишку, щелкну его по носу и потреплю за ухо.

Через двести лет.

А пока я их не люблю. Белый медведь мне не товарищ.

Но сейчас это были не они.

Звук исчез.

Началось.

Туман вязко колыхнулся, я почувствовал его движение, но реагировать не стал. Постоял еще немного, вглядываясь в густую ватную субстанцию, затем медленно обернулся.

Снегохода не было. Только что – оранжевое беспокойное пятно в белом безмолвии – стоял здесь, трещал на холостом ходу, и вот исчез. Растворился, и стало тихо. Тихо-тихо.

Началось. Уперли снегоход. Теперь до площади пешедралом придется добираться, а я уже, блин, не молод.

А вообще утро началось нормально. Обычно. С холода.

Я проснулся – ничего не видно. Перед глазами морозные узоры на стеклах маски. Нет, можно, конечно, спать в шлеме с подогревом, но мне кажется, что шлемы жужжат, а я не могу спать под жужжание. Чувствуешь себя так, будто голова в микроволновке хранится. Такие шлемы специально изобрели американцы, чтобы у жителей северных территорий мозги фритюрились. А когда они совсем сфритюрятся, звездно-полосатые орды двинут на нас прямо через Гренландию...

Нет тут никакой Гренландии, никто к нам не двинет. Кобольды вот двинули, да замерзли сразу, так и остались там стоять, в снегах. Уродливые ледяные скульптуры. И никакая мертвая вода не помогла. Замерзла.

А шлем помогает, но жужжит. Так что в шлеме я не сплю, а стекла маски замерзают. Пропылаешься – перед глазами морозные узоры и другие чудеса снежинок. И керосинка погасла. Она всегда гаснет. А еще написано, что в Англии сделано. Везде вранье.

Я осторожно выставил наружу руку – холодно. Стянул маску и огляделся, как всегда оглядываюсь.

Все как обычно. Пламя замерзло длинным оранжевым язычком с синей прожилкой посередине, и я удивился. Каждое утро оно замерзает, и каждое утро я удивляюсь. А можно бы и привыкнуть. Но к этому привыкнуть трудно. Я вот человек ко всему привычный, умирал двадцать восемь тысяч раз, а вот к замерзшему огню привыкнуть не могу. Наверное, оттого, что в душе я консерватор, как я недавно понял.

А может, это от мороза. От него стал я какой-то спокойный, ничего меня не волнует. Случилось так.

Да и город этот спокойный, не похож на остальные здешние пространства. Перец правду сказал. Тут вообще... странно. Странней, чем обычно. Градус невменяемости гораздо выше. Мертвый холод. В третий день по прибытии, ну, немного уже подочухавшись, я решил попрактиковаться – немножечко пострелять. Так, для души. Ну и посмотреть, что тут к чему. Вот и вышел на крышу.

Есть такое выражение устойчивое – «город-призрак». Это когда жители вдруг взяли – и сгасились, а город остался, ну и призраков в нем полно завелось разных: мутантов, ментальных вампиров, все как полагается, люки с пауками, зомби в подворотнях, ну или парочка маньяков с лопатами. Нормальный такой город-призрак, тихая долина.

А здесь ненормальный. Вымороженный. Кругом только белое. Снег, лед, иней. Тихо. Солнце светит пять часов в день, остальное время ночь.

Так вот, вышел я на крышу пострелять. А как тут стрелять? У меня рукавицы размером со средний валенок! Ну, решил рискнуть своим драгоценным здоровьем, рукавицы сбросил, выхватил из-за пазухи Берту. Хорошо, что с вечера на рукоятки натянул обрезки от велосипедных камер, пальцы сразу не примерзли, и я успел выстрелить.

Выстрел замерз. Не знаю, как такое возможно, но пуля пролетела метров пятнадцать и упала. Видимо, порох взрывается тут с недостаточной энергоотдачей, а может, еще что. Тут же все по-дебильному. Короче, выстрела не получилось. Выстрел замерз. Рассказал бы Варгасу, тот бы не поверил, сказал бы, что у меня от мороза мозг закован. Может, так оно и есть, конечно...

Потом-то нашел патроны – специальные, для холодной стрельбы. А сначала так и ходил безоружный.

Снег здесь никогда не идет. С неба не падает. Если только метель его поднимает, а так нет, тишина. Кажется, даже снегопад замерз.

Тут вообще все замерзает. Кроме нас. Сами мы не замерзаем – в том-то и заключается основная ненормальность. Это не значит, что тут не холодно – холодно, и лыжную палку лизать крайне не рекомендуется. Но холод не смертельный почему-то. То есть, если я разденусь догола и буду носиться по мерзлым улицам, холодно мне, конечно, будет, но ни воспаления легких, ни менингита, ни других осложнений. Максимум – ОРЗ, ангина и обморожение. Причем даже пальцы отморозить не удастся – только нос, уши и щеки. Нос, уши и щеки у меня всегда болят. Даже антифриз не помогает. Таблетку сожрешь – вроде тепло, а все равно обмораживаешься. В прошлом месяце случайно поглядел в зеркало, а чуть не обикался, честное слово. Гляжу на себя и вижу: по ушам растут длинные такие волосы. Волосатые уши! Этого мне только не хватало – волосатых ушей!

Я испугался, решил, что какую-нибудь здешнюю болезнь подцепил, типа волосоглаза или шерстоуха, схватил ножницы и давай перед зеркалом подстригать себе уши. Ну, то есть волосы на ушах. И тут как раз Перец ввалился. Посмотрел на меня так серьезно и посоветовал палить волосы паяльной лампой. Я обиделся, послал его, а Перец сказал, что волосы на ушах в северных широтах – обычное явление. Разик отморозишь – потом всю жизнь с волосатыми ушами будешь ходить. Кстати, вполне мужественно. Я поинтересовался, что же тут мужественного, а

Перец ответил, что это как раз самое мужественное, что можно придумать. Поскольку у женщин волосы на ушах не растут даже в случае полного их обморожения. Уши у них могут вообще отвалиться, а волосы не вырастут, хоть ты тресни.

– Ты мужик! – изрек Перец и поощрительно похлопал меня по плечу.

Тогда я попросил осветить следующие вопросы: а если, к примеру, я отморозил еще нос, у меня что, и на носу будут теперь волосы произрастать? А если я пальцы отморозил? Тогда у меня и на этих площадях растительность проклюнется?

– Ну, это уж у кого как, – ответил Перец. – Конечно, если ты супермужик, то и пальцы густого ворса не избегнут, ну а если так себе, то только уши. А вообще надевай двойную маску, она помогает.

А я и так, между прочим, в двойной маске всегда хожу. Плохо помогает, уши-то отморозил...

Обморозиться по мелочи можно, замерзнуть совсем никак. Перец объясняет все просто – тот, кто этот чертов город наметал, хотел, чтобы тут было жутко холодно, но чтобы самому ему ничего не угрожало. И чтобы все было.

Тут действительно всего полно – склады лопаются от продуктов. Только, к сожалению, все они в замороженном виде. Но зато деликатесы разные, пища, к которой я привык на ван-холловской базе. Правда, Перец не разрешает питаться разнообразно – считает, что это ослабляет дух. Единственная поблажка – День Жратвы в конце каждого месяца. Может, он и прав, может, так и надо: аскетизм, закаливание, сон на гвоздях. Но я считаю, что Перец просто жмот. Жалко ему тех продуктов, а может, бережет для кого.

На других складах барахло разное: телевизоры, музыка, фотки, короче, потребительский рай. Только вот ничего потреблять почему-то не хочется. Как-то раз, правда, взгрустнулось мне, взял телик, взял плеер, дисков насыпал, раздобыл генератор, хотел киня посмотреть. Воткнул какую-то фантазень, смотрел-смотрел. Ровно сорок семь минут смотрел, потом до того надоело, что плюнул. Никакая фантазия с тем, что происходит за окном, сравниться не может. Так что от барахольных складов толку особого нет. Плеер есть, а счастья нет.

Есть еще военные склады, в них пользы побольше. И я туда уже добрался. Правда, оружие довольно старое, конца прошлого века. Но все равно хорошо. Оружие всегда пригодится.

Ангаров невыездного назначения тоже полно, но времени посмотреть их нет. А если честно, то и вообще лень.

Все, в общем-то, у нас есть, не город – мечта. Только холодно. И я вот думаю – почему люди такие? Почему не придумать такой город где-нибудь на берегу моря? Или в горах. В моих любимых красивых розовых Андах, где звезды размером с кулак и светят в разные стороны. Нет, надо придумывать ледяную пустыню. Обязательно... Я вот все время мечтал о таком городе, но мои мечты совсем не осуществились. А чьи-то осуществились. Кто-то мечтал о белых медведях – и на тебе, пожалуйста, вокруг белые медведи. Целая куча. Очень белые. Ходят. К нам редко приближаются, боятся. Вертят острыми мордами, нюхают воздух.

Белый медведь – самый страшный хищник. Поэтому на всякий случай я везде хожу с соплементом. Это великое изобретение моего друга Дрюпина. Где ты, Дрюпин? Иногда я даже вроде как скучаю по его дурацким изобретениям. Сапоги-скороходы, железные пауки, соплемент...

Сколько времени прошло? Ностальгия.

Соплемент как-то притащил Перец. Сказал, что навестил нашу базу еще разок – там ремонт какой-то, ну, или строительство какое развернуто, Ван Холл все не успокоится. А как он, Перец, прибыл на базу под ночным покровом, так его тут же и прижучили. Единственное, что он успел утащить, так этот соплемент. И соплегенератор к нему. Раньше соплегенератора не было, и я сделал вывод, что технический талант Дрюпина не стоит на месте, что Дрюпин продолжает наполнять мир смертоносными штуками. Значит, там все в порядке. Хотя,

кажется, изначально соплемент придумывался для разгона демонстраций. Но против мишек он тоже помогает.

Сопли Дрюпин придумал отличные – на морозе не сворачиваются. Всепогодные сопли, мне уже посчастливилось испытать. Ехал я как-то к военным складам на своем верном снегоходе... Склады-то на самой окраине города, иначе как на снегоходе к ним не подобраться. Так вот ехал-ехал, вдруг бах – прямо по курсу из-под снега белый гад как выскочит!

Могучий такой, чуть ли не в тонну. Крутанул я руль, снегоход урылся, я и вылетел, плюхнулся в снег. Прокатился немного, тут же вскочил. А этот уже ко мне летит. Я даже подумать ничего не успел, выстрелил. Потом гляжу – он извивается метрах в пяти от меня. Весь покрыт мелкой сопливой сеткой. Извивается, пытается коготками подцепить...

Вот-вот, пусть поизвивается, это откроет ему глаза на то, кто тут выше стоит в пищевой цепочке. Сопли теперь два часа не отпустят.

Хотел его объехать, но потом решил произвести небольшую экзекуцию. Подошел к гаду, и всю Бертю ему в ляжку разрядил. Шесть выстрелов. Больно, но совершенно безвредно – на нем столько жира было, что пули застряли, воткнувшись на сантиметр. Затянутся салом через неделю. Зато теперь он к нашему огороду близко не подойдет...

А хотел в ухо. В ухо ему стрельнуть хотел, да. С тех пор старался ходить без револьверов. Чтобы не провоцировать в себе агрессию. Правда, кроме мишек тут и стрелять не в кого, а против мишек лучше соплемета оружия нет. Белый медведь – самый страшный сухопутный хищник. Ах да, я, кажется, уже говорил...

Надо держать себя в руках. Надо. Спрашиваю у Перца – почему бы не призвать сюда красных волков? Они бы мишек поотогнали. Нельзя, отвечает. У волков в глазах четвертаки, они начинают замерзать.

Они замерзают, а я должен тут жизнью рисковать! Из-за этих паскудных...

Все. Все. Надо успокоиться.

Я перестал думать о белых медведях. Каждое такое тяжелое утро на меня наваливаются мысли. Преимущественно белых оттенков. Про белых медведей, про белых соек, про белок, про белых...

Рывком, по-суворовски, скатился с лежанки. Задержал дыхание, затем резко подпрыгнул и повис на перекладине. Вывинчивание из спальника – особое искусство, я овладел им не сразу. За ночь спальник будто прирастает, причем повсеместно – и к спине, и к животу, и к ногам. Сдирать его лежа мучительно и морозко, потом, после такого сдирания жить тяжело, поэтому я придумал другой способ.

Повисев немного и вернув в порядок кровообращение, я произвел следующие манипуляции: повис на одной руке, а другую высунул наружу и отключил обогрев, распустил «молнию». После чего принялся дергаться и извиваться, стараясь выдохнуть гораздо сильнее. Через минуту спальный мешок валялся на полу.

Пару раз подтянулся, сделал подъем с переворотом и спрыгнул вниз. Пол холодно гукнул, в пятки стрельнуло холодом. Восстание свершилось. Я поглядел на часы.

Часы тоже замерзли. Еще давно. Когда город был перенесен сюда дебильным усилием чьей-то дебильной фантазии (не исключая, что это был, кстати, сам Перец). Так вот, когда город был перенесен сюда, тут все позамерзло. Город и так северный был, а здесь его холод усилился. Но усилился не просто дальнейшим понижением температуры, а как-то качественно усилился, разом.

Будильник показывал шестнадцать сорок, на электронных часах было 16.43. Время остановки. Время остановилось, огонь замерз. Мертвый огонь раздражал почему-то, выглядел на редкость противоестественно. Поэтому я снял с лампы стекляшку, ткнул язычок пальцем. Пламя рассыпалось на мелкие оранжевые кусочки.

Вышел в коридор, вернулся со спиртом. Забросил дрова в буржуйку, облил горючим, поджег. Сначала спирт прогорел снаружи, затем подпалил дрова внутри, через десять минут печь стала выдавать тепло. Я сидел рядом, повернувшись спиной к жару, улыбался и ежился. Хорошо. Сварил кофе, выпил. Тоже хорошо.

Согревшись, а вернее сказать, окончательно разморозившись, я стал собираться. Взял лишь самое необходимое, самое насущное, а потом отправился на зарядку. Револьверы не взял.

Зарядка важна – нельзя терять форму. Перец утверждает, что здесь форма набирается сама, со временем. Чем дольше ты тут находишься, тем быстрее твоя реакция, тем лучше ты владеешь оружием, быстрее бегаешь, ну и так далее. Я Перцу не очень верю. Хотя он свои слова подтверждает – ни разу не видел его тренирующимся. Он либо чем-то занят, либо пропадает где-то, либо на топчане валяется. И сколько раз я ему ни предлагал побороться – ни разу не смог победить. Стрелять он, конечно, не умеет, но во всех остальных физических дисциплинах мне до него далеко. И на мечах, и на топорах, и на ножах, и мордобой обычный, во всем этом с Перцем мне не сравниться. Реакция у него действительно необычная.

Но он ведь и сам ненормальный, аршином общим не промерить. Хотя тут никого не промерить...

Я, посвистывая, спускался по лестнице. Не, можно было и выпрыгнуть – невысоко, третий этаж, а внизу сугроб. Я часто в сугроб прыгаю. Только сегодня мне чего-то не хотелось прыгать. А я что-то стал слишком доверять своим ощущениям, не хочется прыгать в сугроб – не прыгай.

Спустился до второго этажа и вышел в окно – первый все равно был завален снегом, пробовал я в нем прогрызть ход, но снег плотный.

Под окном меня дожидался снегоход, машина смерти. Это я к тому, что снегоход признан самым опасным видом транспорта, с него регулярно кто-то слетает, причем обычно насмерть расшибаясь.

Откинул капот, полил спиртом, подпалил. Не подпалишь – двигатель не заведется, придется идти пешком. До центра пешком минут двадцать. Недалеко, конечно, но опасно. В снегу, когда его много, образуются пустоты, что-то вроде пузырей. Провалишься в такой пузырь – потом сиди, пока не вытащат. Я один раз просидел пять часов, уши снова отморозил. А снегоход над такими пузырями пролетает, так что лучше на снегоходе.

Дернул стартер, двигатель застрекотал, я покатил к центру. Съехал под горку и оказался на площади Победы.

Площадь Победы. Название не я придумал, она на самом деле так называется. Тут вообще у каждой улицы названия, все как полагается. Площадь Победы, улица Гагарина, бульвар Пищевиков. Все, как в нормальном городе. На площади Победы стоит памятник. Танк на большом куске гранита, а рядом большая полковая гаубица. И у танка, и у пушки из стволов торчат железные цветы. Мне не очень нравится такое решение, но куда памятник денешь? Но все равно проезжать мимо приятно почему-то, наверное, потому, что я никогда не жил в настоящем городе, я помню только свою дурацкую базу. А тут город. И настоящая квартира. Я живу не в норе, а в квартире, как люди. Пусть Перец в норе сидит, а я хочу, чтобы вид был из окна. У меня вот прекрасный вид – белая пустота до горизонта, а на горизонте, далеко-далеко, горы. Горы всегда розовые. И утром, и днем, и вечером. Отличный вид. А в норе только полумгла и запах Яшкиной похлебки. Правда, тепло, но я никакое тепло не променяю на хороший вид. Если бы не холод, я бы даже рисовать начал, но нельзя – краски тоже замерзают. А в норе, где не замерзают, вдохновение не берет.

Но я, кстати, нашел выход – я теперь фотографирую. Завел себе хороший фотик и фотографирую, а потом, когда придет время, перерисую.

Ну да я отвлекся. Площадь Победы.

Я протарахтел мимо танка, спустился к пешеходному мосту. Красивое такое сооружение, в пушкинском духе. Изогнутое дугой, ажурное, как раз для того, чтобы экзальтированные барышни вниз кидались. Фонари опять же такие, будто только что с Невского проспекта вырваны.

Через мост ехать не хотелось. Стоял, наверное, с минуту, смотрел. Слушал, как в фонарях гудит ветер. Ветер сегодня гудел как-то чересчур успокаивающе, что было подозрительно. Сегодня у меня вообще подозрительное какое-то настроение... Кстати, на мосту они на меня уже два раза нападали. Да, очень удобное для нападения место – с моста никуда ведь не удерешь, только разве что вниз прыгнуть. А тут высоко. И сегодня у меня не день прыжков, недаром все-таки я в окно не выпрыгнул.

Через мост я не поехал, свернул влево, откатил метров двести в сторону и стал спускаться в овраг. И тут же понял, что допустил ошибку – овраг был затянут туманом. Не целиком затянут, только понизу, но все равно.

По дну оврага течет ручей. Само собой, странный ручей – горячий. Вокруг снега, а ручей горячий, как в Исландии. Я сначала думал, что тут гейзер есть, но гейзера не нашел, ручей просто из земли тек, вот и все. Будто там внизу трубу прорвало.

Иногда от этого ручья поднимается туман. Сегодня как раз туман.

Возвращаться уже было нельзя: если бы я сейчас повернул, они догадались бы, что я жду нападения, а если они догадались бы, что я жду нападения, то я оказался бы в совершенно уж проигрышной ситуации. Слишком много «бы». Поэтому я отпустил тормоза и стал скользить вниз, в молоко. Когда молоко перешло в сливки, я включил фары. Фары и еще подогрели сиденья – снегоход у меня отличный, и ручки подогреваются, и сиденья.

На это они и попались.

Я съехал. Снегоход оставил метрах в десяти от воды, а сам подошел к самому берегу. Специально. В тумане ничего не видно, максимум на полметра. Но это мне. Они видят. У них в башке тепловые и звуковые локаторы, как у летучих мышей, потому и видят в темноте. Примерно так. Красная полоса и размытая красная точка. Красная полоса – горячий ручей, красная точка – я. А на самом деле работающий снегоход. Все просто.

Я сидел на оттаявшем камне, разглядывал длинные извивающиеся водоросли и красных меченосцев, охотившихся по дну на трубочников. Снег, внизу красные меченосцы, а за спиной так тихо, по-деревенски, щебечет мотор...

Звук исчез.

Началось.

Туман колыхнулся, и я почувствовал за спиной его движение, но реагировать не стал. Постоял еще немного, вглядываясь в густую ватную субстанцию.

Снегохода не было. Только что он стоял здесь, трещал на холостом ходу, и тут же исчез. Растворился, и стало тихо.

Началось. Эти гады уперли снегоход!

Не удержались. Как всегда. И как всегда я их обштопал. Хотели меня утянуть, а утянули снегоход.

Как пели мои любимые «Анаболики», «было у бугра три сына, старший был ваще скотина, средний правильный чувак, младший вовсе был...». Чудак, короче, был младший. А они все чудаки, куда им против меня!

Я хохотнул, перепрыгнул на другой берег и побежал вверх по склону.

Город начинался, едва заканчивался овраг, я резво выскочил из тумана и нырнул в ближайший двор. Постоял, отдышался, проглотил на всякий случай антифризный шарик. Отсюда до площади Центральной уже совсем немного, и добрался я без всяких приключений. Видимо, эти типы в ярости разбирались со снегоходом.

Терзали его, терзали.

Площадь Центральная – большая площадь. Вообще-то даже пустырь: вокруг дома разноцветные (тут почему-то все разноцветное), а в центре снежный городок. Снежный городок был гигантских размеров, он занимал почти все пустынное пространство. Невысокая стена по периметру. В четырех местах, видимо, по частям света, прорезаны ворота с арками и ледяными фонарями, выполненными в виде разноцветных Тадж-Махалов. В центре ледяные фигуры. В основном сказочной направленности. Горки еще разные, ледовый дворец, а возле ворот с черными таджмахальными фонарями огромная горка, высотой до половины пятиэтажки. А наверху этой горки почему-то маленький бульдозер – такая вот фантазия.

Я вошел в центральные ворота. Наверняка сейчас они за мной уже опять наблюдают. Прячутся по крышам, втягивают воздух. Буду вести себя как ни в чем не бывало. Типа, заблудился в тумане, а снегоход потерял, потом вернусь, найду. Это их, конечно, с толку собьет, это их, конечно, озадачит. Они ведь глупенькие еще совсем.

По плану у меня зарядка. Физические упражнения здесь просто необходимы. Здесь кислорода гораздо меньше, чем в нормальных местах. То ли вымораживается он, то ли вверх поднимается, то ли, наоборот, углекислый газ опускается, но дышать тяжело. А сердце необходимо наполнять кислородом, без кислорода оно портится.

Лучший путь обеспечения миокарда кислородом – аэробика, недаром же она так называется. Поднять пульс, поднять дыхание, поднять тонус мышц. Буду делать зарядку, а они за мной будут охотиться. Повеселимся.

Я принялся быстро расхаживать между фигурами, приседать, наклоны гнуть, боксировать с тенью, делать махи, делать вид, что разминаюсь. Ну и конечно – из-за Деда Мороза высунулась гадкая зубастая морда. Не удержался, гад. Морда высунулась, оранжевый глаз полыхнул, тут же спряталась. Дурачок, думает, что я его не заметил.

Ну, пусть.

Я взобрался на снежную стену. Когда я взбираюсь на эту снежную стену, на меня какое-то воспоминание наваливается. Будто помню я что-то. Тоже какую-то ледяную стену, дети вокруг катаются с горок, визжат, а я будто бы повис на снежной башне, ноги в пустоту свешиваются, страшно... А дальше не могу вспомнить.

Стена невысокая, метра два, наверное. Вокруг всей площади тянется. С другой стороны стены дорожка – сам ее протоптал. По той дорожке я и бегаю. Круг – пятьсот метров. Пять кругов – отличная разминка. На втором круге разогреваюсь, сбрасываю тулуп и бегу уже просто так, в унтах, куртке и шапке. Хотя просто так это совсем не просто так – каждый унт весит по пять кило почти. Так что нагрузка о-го-го! Не, я просил, конечно, Перца, чтобы он достал что-нибудь из полярного ассортимента ведущих фирм, но оказалось, что по сравнению с нормальными унтами полярный ассортимент никуда не годится. Ноги в нем мерзнут. Так что унты я почти не снимаю, даже сплю иногда в них. Ноги, конечно, преют, но что делать? Север.

На третьем круге, пробегая мимо ворот, я мельком глянул на фигуры. Стоят себе. И вроде бы мертвые они, и вроде бы нет никого на площади, только снежные истуканы. Но я снова его заметил. Сразу его заметил. Заметил, потянулся, будто кости разминая, а сам соплемен с предохранителя снял незаметно.

На четвертом круге убедился – поджидает.

Поджидает меня, хочет напасть неожиданно. Ну-ну...

Закончил пятый круг, вбежал в ворота, остановился рядом с полушубком, положил на него соплемен. Фигур тут снежных много, и все громадные. Сделаны очень выразительно, как живые почти, а некоторые даже выкрашены. Особенно одна мне нравится – пингвин императорской породы. Но выкрашен он в зеленый цвет, художник фантазию проявил. А потом что-то там случилось, работу бросили, и художник забыл бензопилу, да не просто забыл, а прямо в шее у пингвина. Мрачновато получилось, однако красиво, честное слово, я уже несколько раз

фотографировал. Сюжет 85, «Полярная фауна». Каждый день с этим пингвином встречаюсь, он меня на мысли разные наводит.

Поэтому я продолжил зарядку. Стал вверх выпрыгивать – прыжки вверх очень силу развивают. Самый сильный в мире зверь – кенгуру, ударом ноги убивает лошадь. Прыгаю и поглядываю, прыгаю и поглядываю. Стоит за Дедом Морозом, но мне из-за пингвина видно. Но дыхание задержал, чтобы его по пару из пасти не определить было. Молодец, хоть чему-то научился.

Я перестал прыгать, начал дыхательные упражнения. Вдыхаю, выдыхаю, а сам глаза закрыл – интересно, что делать будут? Подышал так минуты две, открыл глаза, резко прыгнул вбок – вроде как упражнение на резкость.

Так, за Дедом Морозом его уже нет, переместился, значит. Я снизил темп дыхания, стал входить в заминку и поворачиваться вслед за солнцем. А сам оглядываюсь.

Тень. Спрятался теперь за Снежным Великаном, а солнце в спину! Прекрасно все видно. Тянется тень почти на десять метров. Тоже мне, полярный ниндзя... Интересно, где все-таки остальные? Сидят по крышам, точно, ничего оригинальнее не придумали.

Чудланы. Чудланы, честное слово.

Почему я? Почему я должен учить этих болванов? Почему я должен этих дурачков все время учить? Пусть Перец ими занимается! Я ему что, Макаренко, что ли? Но он же занят все время. Дела у него, видите ли, все время! Мир спасает. А я им что, нянька? У меня, может, арахнофобия... Нет, арахнофобия другое, это про пауков... Так почему я? За что мне такая радость?

Тень чуть сместилась и раззявила пасть. Ну так и есть! Учил-учил, а все без толку. Ладно, сам попросился... Я посмотрел вправо. До полушубка с соплементом всего ничего, но если я кинусь к оружию, он успеет среагировать. Надо по-другому.

Я замер, щурясь на солнце и будто бы наслаждаясь солнечным светом, а потом, отнаслаждавшись, медленно и лениво подошел к Снежному Великану. Я с одной стороны, а он – с другой. Я даже мысли его прочитал: думает, что сейчас я пойду вокруг, а он на меня наскочит. Ну да, шас... Вытащил я из ранца наступательную гранату, выдернул кольцо, саму гранату забил под основание фигуры и отбежал быстренько подальше и говорю:

– Эй, ящер! Ты убит!

И упал, закрыв голову руками. Он тут же с недовольной такой миной высунулся. Я, конечно, не видел, но рожу его недовольную очень здорово себе представлял. Так вот, выставил он свою недовольную рожу, а тут граната и взорвалась, и весь Снежный Великан на него осел.

Я вскочил, гляжу на него. Смешно! Валяется на спине, придавленный головой Великана, крылья растопырил, хвостом бьет, ничего понять не может. Я не спеша, спокойно, даже расслабленно сходил за соплементом и полушубком. Вернулся.

Этот как раз из-под головы почти выбрался, увидел, что я подхожу, и как плюнет. Не удержался, зараза! Я прыгнул за высоченную ледяную елку, пламя лизнуло ее, елка растеклась. Второго шанса я ему не дал. Он окончательно выбрался из-под снежной головы и уже тряс башкой, прицеливаясь по второму разу. Вот тут и я выстрелил. Дважды.

Дрюпин усовершенствовал свою машину, встроил в нее дальномер. Теперь сопли разворачиваются точно. За полтора метра до цели они расходятся в сетку, наподобие паутины, и выбраться из сетки уже нельзя.

Он плюнул еще – плевком сжег первую порцию соплей. Вторая порция развернулась удачно, он дернулся, завертелся, сшиб еще одну елку. Но чем сильнее он вертелся, тем сильнее сопли его затягивали.

– Не дергаться, Щек, – сказал я спокойно. – Не дергаться, не плевать, не брыкаться. Ты проиграл. Понял?

Молчание.

– Понял, я спрашиваю?! – спросил я строго.

Горын кивнул, с морды осыпались мелкие сосульки.

Остальные где-то прячутся. Меня караулят. Кий и Хорив.

Бамц!!! За спиной что-то упало. Судя по металлическому звуку и тяжести удара, снегоход. Интересно, в кого-нибудь когда-нибудь швырялись снегоходами?

Я обернулся.

Так и есть. Мой любимый снегоход, друг канадских лесорубов, всмятку. Вывалился из чистого неба – и хлоп. Клякса разноцветная, бензин уже потек...

Это они хитро придумали, я не сразу понял.

Бензин тек в мою сторону, а я тупо смотрел на ручеек, потом только догадался и отпрыгнул за Черепаху. Прямо с неба упала огненная полоса, снегоход вспыхнул и сразу же взорвался – в баке конденсат скопился. Черепаха меня выручила: мелкие осколки в разные стороны, лыжа от снегохода чуть скальп не снесла. И сверху второй раз – пых!

Едва успел в сторону откатиться, как снова – пых! С двух сторон взялись. Грамотно.

Глянул в небо – никого. Спрятались уже, перезаряжаются, ждут, пока резервуары горючкой заполнятся. Черепаха обтекала тоненькими струйками, они скатывались к основанию и замерзали. Я почувствовал, что стало жарко. Ну да, эти гады кого хочешь в жар вгонят.

Быстро огляделся. До горки...

Можно успеть. Что ж, сегодня немножко удивим малолетних.

Я вскочил и рванул к горке. Тень. Вернее, сразу две. Быстро глянул вверх. Появились. Высоко. Уже высоко. Парят. Как кондоры. Они на кондоров и похожи.

Кондоры. Сизые, покрытые мхом уступы Мачу Пикчу. Еще год без Мачу Пикчу, и я засохну. Честное слово, свернусь в куколку. Я хочу домой. Построю дом и буду сидеть и глядеть в облака...

Вдруг я подумал, что неплохо бы не только смотреть в облака, но еще и смотреть на горынов, которые в тех облаках кувыркаются. Было бы, наверное, красиво. Город в облаках, огненные птицы...

Ппых!

Задумался, старею. Прыгнул к Золушке.

Едва успел – плевком попал в Золушкину шапку, и на меня потекла вода, даже чуть теплая. Худо. Научились точечными плевками работать. Это когда плюется не в распыл, а как бы лучом. Гораздо бронебойнее. И с гораздо большей высоты можно. Но и мне увернуться легче тоже.

А Золушка таяла... И все мне за шиворот таяла, между прочим. Почти сразу замерзая вдоль позвоночника. До горки почти сто метров, успею.

Прощай, Золушка! Я выскочил из-за Золушки и дернул к горке. В небе хлопнуло и сразу же засвистело. Вошли в пике. Глядеть было некогда, но я знал, что именно в пике. Так свистят сложенные крылья.

Я бежал, а свист становился все сильнее. Я знал, что они могут пикировать примерно до ста метров, потом надо тормозиться, иначе разобьешься. А пыхнуть в распыл он может метров с двадцати, не больше. Значит, они выйдут из пике на ста метрах, после чего будут опускаться до двадцати и только потом пыхнут. На все уйдет секунд тридцать. Да за тридцать секунд я вокруг Земли успею обежать!

Когда до горки оставалось всего ничего, над головой у меня снова хлопнуло – вышли из пике. Я успел. Нырнул в узкий лаз, прополз вперед несколько метров, свернул вправо, перелез в верхний ход.

Горка дрогнула. Приземлились на нее. Во всяком случае, один. Наверняка один, а второй отправится к норе выкуривать меня.

Горка – странное сооружение, уже говорил. Высокая, на верхушке бульдозер, а внутри множество туннелей, будто ледяные кроты поработали. Я думаю, их дети нарыли. Скорее всего, дети, я нашел три пластмассовые лопатки.

Ппых!

В спину ударило горячим воздухом, по туннелям прошла упругая волна, лед на моей спине тут же растаял. Так и есть – один полз меня выкуривать. Интересно который? Ну что ж, сам напросился...

Я осторожно выставился из норы и чуть не рассмеялся – это был Кий. Неудивительно, у него как раз характер подходящий. Мелкопакостный характер.

Щек – тот лопух, глуповат, простоват, я его обычно сразу выбиваю, первым.

Самый опасный Хорив. Он хитер, умен и всегда играет до конца. Иногда мне даже кажется, что он специально этих двух дурачков вперед посылает, чтобы самому нанести последний удар. А потом шлангом прикидывается, лежит с невинным видом, будто ничего и не сделал. Смотреть за ним приходится в два глаза.

Я осторожно разглядывал сверху Кия. Он тупо засунул башку в нору, видимо в поисках моих обугленных останков.

Играют, ребятишки. Игруны.

Они, как тигры, могут заиграться и не заметить, что оторвали тебе башку. Кий, да и вообще любой из них, может легко меня поджарить. А все равно пуляются и пуляются. Надо отучать их от дурной привычки. Может, ошейники электрические сделать?

Кий тем временем раздул ребра и снова выпустил в туннель пламя. Молодец. Я отколол от стены кусок снега и запустил его в белую бронированную спину. Кий вздрогнул и тут же стал высовываться из пещеры.

Наконец выволок наружу свою тяжелую морду и задрал ее вверх. Он даже успел удивиться...

Я влупил ему между глаз хороший заряд. Горын забился, затряс мордой, попытался содрать сопلي лапой. А фиг ему – сопли были хороши, Дрюпину уважает.

– Лежать, – велел я. – Ты тоже убит.

Кий недовольно пробурчал что-то. Пришлось даже прикрикнуть:

– Лежать, я сказал! А то по пяткам!

Кий замер.

Двое готовы, остался третий. Хорив. Самый-самый. Он остался на горке. Интересно, что предпримет?

Горка дрогнула еще раз. Причем прилично так дрогнула. Значит, что-то придумал. Что именно? Мне хотелось высунуться и посмотреть...

А из-за чего, собственно, она могла так дрогнуть?

Блин! Холод дурацкий меня на самом деле изрядно затормозил, совсем я стал плохо думать!

Мощно оттолкнулся ногами, вылетел из норы, шлепнулся на лед.

Вовремя.

Земля колыхнулась. То есть снег подо мной колыхнулся. Бухнуло. Полетели осколки. Я быстро перекатился на спину.

Вот, вот кто швырнул в меня снегоходом – Хорив. Так я и предполагал. Сначала швырнул снегоходом, а теперь бульдозером. Неплохая, в общем-то, идея. Бульдозер – тяжеленная штука. Если с хорошей высоты шмякнется, то все норы будут сплющены, а все, кто в норах, раздавлены. Я должен был быть раздавлен. А раздавлен бульдозер. Валяется, растопырив гусеницы.

Хорива не видно – то ли вверх ушел, то ли спрятался. Ишь, зараза, силушки накопил, гораздо сильнее остальных. Надо будет запретить им по-крупному буйствовать, и так уже пол-

города разнесли. Нет, город, конечно, не нужен никому, но все равно, мне кажется, лучше его не рушить.

Я лежал на спине, уставив вверх соплемент, сканировал пространство. Ничего. Нет движения. С третьим придется повозиться.

Вообще-то у нас правило: больше часа в прятки не играть, если они не удадут меня за час – значит, проиграли. Таковы условия.

Минут двадцать прошло, а за оставшиеся сорок... Или я его достану, или он меня достанет.

Преимущество у меня, мне надо только продержаться. Спрятаться куда-нибудь и сидеть тихонечко. Это не так просто, как кажется, – на их стороне сверхзрение, сверхобоняние, сверхслух и много других «сверх».

А на моей стороне мозги.

Кстати, о мозгах. Мозги легко отморозить. И если я буду и дальше валяться тут, то с мозгами может случиться размягчение. А я стал уже по-настоящему замерзать. Оно и понятно – спиной на льду. Так что пришлось подняться. И едва я поднялся, как Хорив прошел надо мной. Не плюнул, замкнул над площадью круг, уселся на крыше большого, кубической формы, девятиэтажного здания в красном граните.

Я подбежал к своему белому полушубку, оделся. Холодно, просто уже неприятно холодно. Хорив сидел на крыше и поглядывал в мою сторону. Никаких агрессивных действий не предпринимал. Наверное, просчитывал, что бы мне такого злодейского устроить. По-настоящему злодейского.

Горын засвистел. Вернее, засопел, поскольку звук у них формируется в носу. Громко и низко засопел.

Так-так, этого я не учел. Он же, гад, управляет погодой. Щек и Кий не могут, а Хорив может. Он может! Туман, ветер, бурю – все может вызвать, есть у него такое полезное свойство. Не знаю, правда, как оно сочетается с огненной стихией, но, видимо, сочетается.

Хорив сопел, старался, вызывая на мою голову непогоду. Скорее всего, туман. Вот так еще посопит, а потом займется делом.

Но это оказался совсем не туман.

Сначала поднялся маленький ветерок, затем ветер, а затем началась метель. Мне надо было бы сразу бежать, с первой поземкой, однако стормознул снова. Да, стормознул. Какая-то минута торможения, и я оказался внутри мощной, сбивающей с ног пурги. Ветер поднял ледяную крошку, и теперь меня лупило острой шрапнелью. Я попробовал спрятаться за какую-нибудь снежную фигуру, однако не видел ни одну из них.

А гад Хорив меня видел своим тепловизорным зрением. И я оказался в весьма неудобном положении. Стрелять не могу, поскольку не вижу в кого, бежать тоже, поскольку не вижу куда.

Не успел я толком подумать, что надо делать, как меня подхватили. Выдернули и поволокли вверх. Быстро и легко, бережно обхватив когтями. Я не мог ничего поделать и уже собирался громко признать свое первое поражение...

Но Хорив допустил ошибку. Он мечтателен и сентиментален, никак не может сделать все сразу, все чего-то придумывает. Воображение его и подводит.

Сейчас он выкинул меня на телевизионную мачту.

Здесь неплохая телемачта, я как-то раз на нее забирался. Высоченная, сто с чем-то, лезешь-лезешь... Я часа три залезал. Зато вид отсюда еще лучше, чем из моего обиталища. Просто фантастический вид, такому даже название не очень-то придумаешь. Я даже хотел одно время прямо на мачте поселиться, но не смог придумать надежного средства, чтобы каждый день туда-сюда мотаться, а по ступенькам лазить утомительно и опасно.

Хорив пронесся над мачтой и выбросил меня на верхнюю площадку. Я проехался по скользкому металлу и чуть было не вывалился за невысокое ограждение, еле уцепился, послед-

ние ногти поломал. И соплемент выпустил. А Хорив поднялся еще выше и теперь медленно описывал широкую дугу.

– Неплохо! – крикнул я ему. – Даже хорошо! А что теперь? Что теперь будешь делать? Дожидаться, пока я сдохну с голода?

Я его недооценил. Оказалось, что фантазия у Хорива роскошная. Роскошней, чем у меня. Я даже в кошмарном сне не мог придумать такого.

Горын сложил крылья и нырнул вниз, я не успел заметить куда. И пожалел, что не захватил поляроидные очки – солнце всползло чуть выше горизонта, свет отражался от снега и слепил. Не знаю, воспользовался ли он этим сознательно или сработал всего лишь инстинкт, но заходить Хорив стал со стороны солнца.

Белое на желтом плохо видно.

Горын приближался, шел ко мне уверенными взмахами. Раз, два, три... И что-то тащил в когтях...

Я стал приглядываться. Очередной бульдозер? Или экскаватор? Разве можно так относиться к технике?

Когда я понял, что именно он там тащит, мне стало неприятно. И я очень пожалел, что весьма непредусмотрительно выронил соплемент. А еще что весьма непредусмотрительно вышел из дому без оружия. Говорил мне Варгас – не ходи никуда без оружия! Не слушал я старика. Ленился. Сейчас бы мне Дырокол не помешал.

Потому что Хорив тащил в лапах медведя.

Здоровенного белого мишку. Живого. И очень, судя по реву, свирепого.

Оригинально. Я бы до такого не додумался. Мне казалось, что он будет действовать банально – жечь меня огнем, а я буду бегать туда-сюда по площадке. Ну, побегаю немного, а потом время истечет – и вот он я, в очередной раз победитель.

Мишку я предвидеть не мог.

Хорив завис над площадкой и сбросил зверюгу весом в полтонны. Мачта едва не наклонилась! Во всяком случае, мне так показалось, сверху осыпались сосульки. Зверь очухался и, не откладывая завтрак в долгий ящик, принялся носиться за мной.

Не скажу, что догонялки с ним как-то меня вдохновили. Нет, я довольно быстро от них устал. Прямо по центру площадки торчала антенна, но она оледенела до такой степени, что забраться по ней совершенно невозможно. Так что возможно было только одно – бегать и бегать вокруг антенны.

Ну, я и бегал.

Имелся тут еще и люк. Но люк, конечно, примерз, на то, чтобы его открыть, ушло бы, наверное... Не успеть, короче, мишка шустрый попался. Очень быстро гонка с ревом, с рыком и грохотом когтей мне надоела. А чертов змей висел прямо над мачтой и поглядывал на все это развлечение сверху.

Через двадцать восемь кругов я почувствовал некоторую усталость, медведь же усталости не ведал – зверь, что с него возьмешь. Когда я понял, что бегать больше не могу, я сделал единственное, что оставалось, – как следует разогнался и выпрыгнул за бортик. Медведь разочарованно завыл.

Вышка была не очень высокая, но мне хватило.

Револьверы я не взял, это да. А парашют захватил. Работая с горынами, не стоит забывать про парашют. Им ведь не объяснишь, что не все умеют летать, они ведь ребята непосредственные. Меня уже раз пять роняли, не меньше. Так что парашют входит в стандартную комплектацию снаряжения тренера драконов. Хороший спортивный парашют.

Купол наполнился, но гладко все не пошло – налетел боковой ветер, меня крутануло, бросило на мачту, купол сложился и зацепился за какую-то телевизионную конструкцию, а я со всей дури хлопнулся о железо. От удара потерял сознание. Ну, на несколько секунд, наверное.

Когда очнулся, увидел Хорива. Он медленно приближался. Неторопливо, уверенно, с ощущением победы. Я поглядел под ноги. До земли, то есть до снега, было не так уж и много – метров, наверное, десять. Что ж, все-таки придется прыгать. А не хотел я сегодня прыгать, не хотел. Но иногда выбора не бывает, горын ведь приблизился на расстояние плевка.

Он улыбнулся. Я просто видел, как на его морде нарисовалась мерзенькая такая улыбочка. А потом горын плюнул. Но я успел. Супербулат рассек стропы, и я полетел в снег. Как ни странно, упал достаточно удачно, ни ногу не подвернул, ни ребро не сломал. Сразу вскочил и рванул за соплеметом. Очень вовремя – за спиной осыпались горящие обрывки парашюта. Если бы я в них запутался, то вряд ли уже смог что-нибудь предпринять, оказать достойное сопротивление.

А так оказал. В смысле, сопротивление. Добежал, выхватил из снега соплемет, перекатился на бок и выстрелил вверх. Не целясь. Попал, конечно. Крылья Хорива сложились, стянутые соплями, он дернулся, попытался уцепиться за мачту лапами – не получилось. Уцепился зубами.

Весьма комичное зрелище. Пожалуй, это было самое смешное, что я видел за последний месяц. В прошлом Перец костью подавился во время чтения собственных стихов, и тоже очень смешно было. Но сейчас смешней. Здоровенный многометровый зверь со слипшимися крыльями висит, ухватившись зубами за какую-то боковую антенну, и раскачивается на ветру. Похож на подстреленную утку, подвешенную к поясу удачливого охотника.

Это зрелище было так достойно, что я не удержался и заснял его. Уже говорил, что без фотографического аппарата в свет не хожу, он всегда со мной, верный друг и приятель.

– Улыбочку! – попросил я. – Улыбнись, ящерица, я тебя сфотографирую!

Хорив прорычал что-то неразборчивое.

– Зря. Зря не улыбаешься, у тебя улыбка хорошая.

Горын не отвечал, все покачивался.

– Хорек, ты чего молчишь? – спросил я. – Поговори со мной! Или что, снова сусликами обожрался?

Молчание. Висит себе, злобно поглядывая в мою сторону.

– Отличный кадр получился, – продолжал я. – Украшу им свою коллекцию, в самый центр приколю. Ты в ней будешь главным.

Гаденыш стал размахивать хвостом, стараясь достать меня им. Хм, придется его наказать.

– Щенки вы все, куда вам до меня, – пренебрежительно бросил я. – И вообще, Хорек, ты такой жалкий, что я бы на твоём месте вылупился обратно...

Этого горын снести не мог. Хорив зарычал, разжал зубы, плюнул огнем и свалился в снег. Я подошел поближе и упаковал его из соплемета окончательно. Пусть отдохнет.

Победа. Как всегда.

Я положил соплемет на плечо и вольной походкой направился к площади Центральной. Где-то за спиной и наверху жалобно завыл полярный медведь.

Никто не слышал, как плачут полярные медведи?

Глава 2

Показание № 7

«Летописец начала Ца», Показание № 7, «Так рек Безымянный», записано в точности, передано верно.

Настроение у меня? Злобно-критическое. Можно ли мне верить? Конечно, нет. Я сам себе не верю. Тебе как рассказывать-то? Подробно не знаю, могу краткое содержание предыдущих серий.

Как оно все получилось?

Мне плевать, как оно все получилось. Я к этому никакого отношения не имею. Я вообще мимо проходил, в кегельбан. Ага. Эпически? Как в «Беовульфе»? Знаешь, мне все ваши «Беовульфы» поперек горла... Ладно, ладно, не пугайся.

Итак. В те времена, когда бабло все мимо да мимо нас текло...

Короче, эпически не выйдет. Буду цинически.

Как оно все получилось, я точно не знаю. Только подозреваю. Но могу ошибаться.

Жил-был Перец. Тогда, правда, он еще был не Перцем, а Пашкой. Где он жил, как – точно неизвестно. Кажется, у него была бабушка, коврижки пекла. Жил себе жил, сушки грыз, разорял муравейники... Точнее не знаю. А потом...

Жил-был Ван Холл. Про детство его вообще ничего не известно, тоже, наверное, муравейники разорял. И фантастики много читал – вот это точно. Приличные люди «Анну Каренину», «Бразерс Карамазерс», «Му-Му» разное читают, а он все про звездолеты, да про бластеры, да про то, как жрачку можно из воздуха мастырить. Судя по тому, как кормили на базе, со жрачкой в детстве Ван Холла случались перебои. Так вот, не знаю с чего, то ли с голода, то ли с фантастики, ВХ шибко разбогател. Совсем шибко. И свихнулся с бабла такого, а может, всегда свихнутым был. Одним словом, решил ВХ все то, про что он читал в сопливом детстве, привести в соответствие с реальностью.

И привел. И бластеры, и тарелки летающие, и вообще. Только мало было Ван Холлушке счастья такого, не хватало чего-то, душа томилась, мадригалы не сочинялись. И решил он через стены проходить научиться. Наскрозь то есть. Чтобы к америкосскому президенту в гости без приглашения, на барбекю. Бабло есть, отчего не попробовать? Так возник проект «Двери», туды его в кадушку. Набрали доходяг, витамин им за ухо – и в подвал. К комодским варанам. К анакондам. К крокодилиям. Всех сожрали. Один остался. Тощий такой дристун. Но остался.

Пашей звали.

И ведь научился тот Паша на нашу голову. Причем не только к американцам – везде. В любую точку планеты. И не только. Сюда еще научился.

А Ван Холл как проведаль, что Перец сюда может, так его за кадык попытался. Раз попытался, два, потом глядит – себе дороже. Меня подослал.

Жил-был я.

Про себя или хорошо, или ничего. Лучше ничего. Ничего я не помню. Как в кино. Как в игрушке компьютерной. Там тоже у всех главных героев амнезия, с элеватора упали. У меня тоже. И шрам через всю башку неизвестного происхождения. Короче, выписал меня Ван Холл из приюта имени Тыбурция Бурылина и поместил к себе на базу. А как я стал зело меток в стрельбе и беспощаден в рукопашной схватке, отправил сюда.

Пашку загашивать.

А чтобы я не соскочил...

Продемонстрировать, жаль, уже не могу. А вообще эксклюзив был. Нанобиоинженерия. Все по заветам Брухо Гуана, в одном квадратном дюйме сто миллионов. Ну или чуть поменьше. По моим кровеносным сосудам плавали голубые золотые рыбки, подарочек Ван Холла, надежный поводок, мина замедленного действия. Если я дернусь – бах, маленький разрыв сердца.

Проект «Пчелиный Волк», а ну его в коромысло.

Я его, кстати, тогда почти загасил, Перца-то. Почти.

Что это за место?

О, это...

Не знаю. Для местных родина, милый сердцу гумус. Для прибывающих... По-разному. В зависимости от мании. Кто на чем помешан. Но большинство считает, что это место осуществившихся желаний. Страна Мечты. Типа, мечтал всю жизнь из лука пуляться – получи! Хотел дракончегов – на, через крышу!

Вранье. Тотальное. Никаких моих желаний тут не осуществилось. Чуть не сдох, это да. Но я вовсе сдыхать не желал. И чтоб сожрали меня неоднократно, тоже не желал. А горыны здешние вообще тьфу, только и могут, что лягушек трескать.

Короче говоря, все из-за психов. Они, психи, во всем виноваты. Мощь их больного сознания породила весь этот бред без конца и края. Они болеют, а мы страдаем. И ванхолловская машина не двери открывает, а материализует безумие, вот и все. Не верю я в Страну Мечты, нет дороги в Эльдорадо, так и запиши.

Что? Карты? Придуманные карты ведут к непридуманному безумию.

Я? У меня амнезия. Знаешь, вот все это... ну, что вокруг... из-за моего удара по голове. Сам я лежу где-нибудь в Коврове, в перманентной коме, а весь этот хлам – просто закупорка сосудов головного мозга.

Что? Да, ты тоже. Ван Холл? Иван Халабудов, главврач хирургии мозга, отек левого полушария.

Увековечивай, давай. Проект «Пчелиный Волк», мама-дорогая, проект «Двина», в гоголь-моголь его, в гоголь-моголь...

Глава 3

Стаи зеленых собак

Через час уже на Центральной площади мы разбирали утренние приключения.

– Ползите ко мне! – велел я.

Троица поползла. И выглядела как полагается – униженно.

– Так-так... – произнес я страшненько. – Тык-тык...

Распластались на снегу. Хвосты прижали, глаза потупили, выглядят убого. Особенно добавляют убожества ошметки соплей, висящие по бокам, на гребнях панциря, на лапах, вообще везде. Обгадившиеся и запутавшиеся в тухлой морской капусте тюлени. Это мне нравилось.

– Вы похожи на обделавшихся тюленей, – сказал я с наивозможнейшим презрением. – Знаете, я вас запишу в труппу, в бродячий цирк. Днем вы будете тащить тяжелые телеги без колес, а вечером развлекать гномовских ребятишек огненными фокусами – на большее вы ведь не способны. Только плевать напалмом и кидаться снегоходами. Никакой фантазии...

Я сокрушенно вздохнул. Не, можно было похвалить хитроумного Хорива, но хвалить бойцов нельзя, это непедagogично. Бойцов надо ругать и поносить, чтобы они не распускались особо.

– Знаете, я, пожалуй, на самом деле продам вас гномам, – вздохнул горестно я. – А зачем вы еще нужны, бестолковые?

Троица тоже вздохнула, выпустив пара столько, что вполне можно было в баню сходить.

– Гномы из вас баню сделают, – повернулся я к горынам спиной. – Знаете, что такое баня?

Слово «баня» я произнес зловеще.

– О, баня... – продолжал я. – Ты!

Я ткнул пальцем в Щека.

– Ты будешь грызть дрова. С утра до вечера. Грызть дрова, грызть дрова, грызть дрова...

Щек скрежетнул зубами.

– Ты!

Я указал пальцем на Кия.

– Ты будешь кипятить воду. С утра и до вечера. В огромных глиняных горшках. До тех пор, пока у тебя не сгорят легкие.

Кий попятился.

– Ты!

Дошла очередь и до Хорива.

– Тебе достанется самая горшая участь, – ухмыльнулся я. – Тебя будут... каждый день чесать. Соскабливать чешую и делать из нее скребки для пяток. Тебя переделают на мочалки!

Хорив отвернулся.

Хорошо, подумал я. Перепуганы. Но надо их дожать.

– Сидеть! – завопил я как можно громче, так, что даже стекла в окрестных домах звякнули.

Троица грохнула панцирями и послушно села. Как собаки, честное слово.

Кто бы мог подумать, что горыны похожи на собак? Нет, не внешностью, конечно, она у них вполне монструозная. Не внешностью, а характером. Характером, повадками и привычками. Они даже чешутся, как собаки! Задней лапой за бок или за ухо, и давай наяривать, только чешуя отскакивает. Ее, кстати, на самом деле можно в скребки переделывать. Наш Яша, например, вообще в плену предрассудков пребывает: чешую собирает и вяжет из нее кольчугу. Иногда даже сам горынов специально вычесывает. А те балдеют. Еще любят, чтобы им за ухом

щекотали – граблями. Валяться еще любят, играть. На Луну, правда, как собаки, не воют, но зато смотрят. С грустью в своих разноцветных глазах.

Я вот думаю: может, собаки от них и произошли? Все же от кого-то произошли, это даже в учебниках пишется. Крот и слон с генетической точки зрения – почти одно и то же. Человек же с дождевым червем совпадает больше чем наполовину. А вообще я где-то читал, что бывает не только эволюция, то есть совершенствование видов по мере их развития, но и обратный процесс. Инволюция, кажется, называется. Это когда из сибирского волка через три тысячи лет получается тойтерьер или пекинес какой уродливый. Типа вырождение. Так вот, может, собаки тоже от драконов произошли? Постепенно выродились, утратили крылья, огнем пуляться перестали, а привычки, то есть инстинкты, все те же.

– Как сидите? – снова рывкнул я. – Сидеть правильно, идиоты!

Выровнялись.

Я заложил руки, осмотрел.

– Смирно!

Лязгнули пластины панцирей. Все правильно. Хвост прижат ко льду, морда свирепо оскалена, правая передняя лапа поднята и полусогнута. Уши торчком, гребни встопорщены, крылья приподняты за спиной. Звери войны, убийцы. Здорово. Мощно. Так мощно, что у меня каждый раз мурашки по спине пробегают.

Это вообще-то я придумал. Когда «смирно» – то так, когда «лежать» – на брюхо, крылья прижать, хвост вверх, уши вниз. Когда вольно, можно лечь свободно и пасть закрыть. Хорошо бы, конечно, какого-нибудь оружия на них навесить. Перец обещал подумать. А чего тут, собственно, думать? Каждому прицепить по два бластера и по вакуумной бомбе – и можно штурмовать Капитолий...

Что-то я на Америку обижен в последнее время. Из-за тушенки ихней. Перец прижмист, вкусную тушенку и другую еду зачем-то бережет, хотя ее полно тут, а на стол выставляет американскую – нашел склад с гуманитарной помощью. Ассортимент же этой помощи небогат: говядина в квадратных банках и сухие гамбургеры в пакетах из фольги. Все для американской армии, и есть это нелегко. И чем дольше я это ем, тем больше Америку не люблю. Потому идея устроить налет на президента, рыбакащего в русле Потомака, кажется мне вполне здравой. От американских консервов суровость здорово повышается.

Вот я и поглядел сурово на эту троицу горынов.

– Распустились... Разболтались... Расслабились... А здесь вам, между прочим, не Миннесота! Здесь вам не тут! Здесь надо быть готовым отразить! Вот ты готов?

Я ткнул пальцем в нос Хорива.

Хорив заволновался, заюлил глазами, заперебирал лапами, выпустил из ноздрей струи пара. Драконий выдох сконденсировался, замерз, осыпался на лед звонким бисером.

– Не смей дышать, когда разговариваешь с командиром! – рывкнул я.

Хорив замер. Нет, мне определенно нравится командовать. И во мне определенно талант. Я такой, доложу вам, зоопсихолог... Только держись!

– Так мы вообще неизвестно до чего докатимся, – продолжал я. – Так мы скатимся в варварство. А у нас с вами впереди много дел. Вы же ведете себя так... так...

Горыны были недвижимы. Издали их вполне легко можно было спутать со снежными фигурами – тоже белые, будто отлитые из подкрашенного молоком льда. Даже глаза, кажется, замерзли.

– Вы ведете себя недопустимо! Вы... вы позорите высокое звание российского дракона!

Ну, тут я немного заговорился, как-то не в тему пошло. При чем здесь высокое звание российского дракона? Посему пришлось снова заорать:

– Смир-рна!

Снова лязгнула броня. Снова образовался должный порядок. Я, кстати, помучился, пока они научились. Зато сейчас красота. Жаль, что не могут ответить: «Есть, сэр!» Надо будет научить приветственно щелкать зубами. Хорошая идея!

Я принялся ходить туда-сюда мимо морд. Морды висели над землей, каждая выше моей головы чуть ли не на полметра. Глаза у всех одинаковые, в смысле размера. Размер апельсина, но не круглого, а плоского. Приплюснутого, короче, апельсина. Цвет вот разный. Цвет мне вообще нравится – необыкновенный. Перец говорит, что это спектр звезд. Каждая звезда своего цвета, причем редкой пронзительности.

У Щека глаза оранжевые, по краям переходящие в синеву. Как будто они еще внутри головы продолжают.

У Кия – зеленые. Не глубокого изумрудного цвета, не хищного кошачьего, а скорее салатного, цвета молодых побегов. Самый хитрый цвет. Если долго глядеть в салатные пространства его глаз, начинаешь немножечко отключаться. Кий этим пользуется. Смотрит на Яшку, тот входит в коматоз, и Кий ворует у него сушеные груши и орехи. А однажды полмешка сахара вылизал. Яшка рассвирепел, давай лупить Кия половником, да только без толку все – половником-то его не прошибешь, тут ракетная установка нужна.

У Хорива глаза непонятные. То ли серые, то ли голубые. Иногда правый синий, левый серый, иногда наоборот. Мутные, короче. Он и сам мутный. Молчит, зевает, на Луну не смотрит, смотрит на Венеру. Тут Венера крупная.

Но сейчас у всех глаза одинаковые – застывшие и бессмысленные. Смотрят на меня, ждут слова. Хорошо я с ними поработал, а то уже распускаться стали. Перец говорит, что скоро возьмет их в настоящее дело – полетать, размять крылышки в честном бою.

Меня что-то, правда, не зовет, я, по его мнению, еще не готов. Хм, не готов... Я ему этих зябликов выучил, навел на них шороху, а он мне все не доверяет!

Хотя правильно делает. Никому нельзя доверять. Вот я горынам ничуть не доверяю. Нечего им доверять, надо, чтобы они тебя боялись. Только страх и уважение. Порядок, дисциплина. Дисциплина основывается на повиновении. Как говорит Перец: если я прикажу пасть в помет, то вассал должен в помет пасть. Помета у нас, конечно, негусто, но снега много.

– Лежать! – неожиданно скомандовал я. А чтобы не расслаблялись.

Троица послушно грохнулась на снег.

– Сидеть!

Сели.

Ну, я их так немножечко погонял – лечь-встать, лечь-встать. Для вразумления. Чтобы знали, кто здесь главный. Потом смилостивился:

– Вольно.

Троица разлеглась на снегу. Тоже мне...

– Свободны, – устало приказал я, – можете пообедать.

И равнодушно повернулся спиной. Послышался звук, похожий на скулеж. Просительный.

Кий. Я их по голосам уже различаю. Кий – басовитый, Щек пищит, а Хорив так вообще молчун. Но печенье тоже любит. Как все остальные.

– Попрошайничество не украшает дракона, – назидательно сказал я. – Дракона украшает скромность и послушание.

После чего сунул руку в карман, нащупал печенье, резко выбросил его вверх. Метель ударила в спину, в дубленую шкуру полушубка снова врезались ледяные треугольнички, воздух почти свалил. Я оглянулся через плечо. Они уже были в небе. Уже поймали печенье и теперь набирали высоту, усердно работая еще не вытянувшимися до нужных размеров крыльями.

Через несколько секунд я их уже почти не различал – они слились с серым скучным тентом, и только взглядевшись, можно было увидеть черные окончания крыльев. Смешно – месяц назад они полиняли, сбросив детскую чешую, и из ярко зелено-красных стали белыми,

как весь окружающий мир. Перец тогда глядел на зубастых белых тварей и смеялся, хотя я ничего особо смешного не замечал. Ну подумаешь, белые. Альбатросы тоже белые, а смеяться при виде их мне не хотелось. Хотя я альбатросов и не видел, кто знает, может, при виде их тоже бы рассмеялся.

Потом мне Перец объяснил, чего он ржал. Он просто представил: если горыны так мимикрировали под снег, то, значит, могли и под другое мимикрировать. Например, под американский флаг. Или в розовый цвет. Или в черный горошек на белом фоне.

– Прикинь, – ржал Перец, – сидят они, а на них из туч вываливается Хорек...

Ну да, это было бы смешно, пожалуй. Могла получиться забавная картина. Я как раз записал в блокнот сюжет. Все как полагается, сидит американский президент на яхте в устье Потомака, ловит лосося, курит сигары и пьет, наверное, какой-нибудь джин с тоником или коньяк. Настроение у него хорошее, опять кого-то там разбомбил. А тут небо раздвигается, и из него вываливаются три горыны: один – как флаг, другой розовый, третий – как гигантский далматин. Смех!

И название я сразу придумал. «Не ждали, блин». Сюжет 341-й. По-моему, ничего.

Опять отвлекся. Надо меньше отвлекаться, надо больше сосредотачиваться.

Улетели обедать. Или завтракать. Или ужинать. Их один раз в день можно кормить, они уже большие, едят редко, но много.

Прокорм вообще отдельная статья, им же немало требуется. Попробуйте прокормить танк с крыльями! Но в городе этом жрачки всякой полно оказалось. Я все боялся сначала, что они Яшу сожрут. И меня заодно. Но Перец успокоил, сказал, что драконы жестко привязаны к первой пробе. То есть чем в первый раз их накормишь, тем они всю жизнь питаться и будут. Накормишь мясом – будут мясо жрать, злобные будут и строптивые, неуправляемые. Накормишь рыбой – поспокойнее станут. Ну а если кормить овощами-фруктами, то будут послушные и вменяемые. Мы пшенкой кормим. Пшенкой, овсянкой, рисом, гречкой, универсальной кашей. Перловкой редко – плохо жрут. А мясо если предложить – так они его ни за что уже не возьмут. Так сказал Перец. И продемонстрировал. Открыл банку тушенки и сунул под нос Щеку. Тот аж позеленел, а потом и вовсе убежал. Так-то вот.

Зато с крупой проблемы. Бедный Яша с утра варит каши. С сухофруктами, с сахаром, с маслом. В здоровенных походных кухнях. На каждого ящера по котлу. В котел по полмешка крупы кидает, по кастрюле сухих яблок, по половнику меда и целый куб масла. Масло Яша рубит топором. На улице. Я привожу ему со склада здоровенные замороженные кубы, и Яша, как настоящий дровосек, пилит их бензопилой, а затем колет топором. Каша получается что надо. Чего уж там, я сам ее иногда ем. А если универсальную варит, так вообще... Мечта сумрачного детства, честное слово.

Даже гадский Доминикус ее жрет. Да, да, да, этот недорезанный аристократ сомнительных кровей тоже живет с нами, хотя особого упоминания и не заслуживает. Втесался в доверие к Яше, разожрался до состояния баскетбольного мяча, везде гадит, как в прямом, так и в переносном смысле. Тиранит горынов, прыгает на них со стен, пугает криками. Я неоднократно предлагал разобраться с кошаком, причем по-мирному, по эльфовскому пути – привесить к нему ошейник с хорошим отягощением, которое несколько бы ограничило кошачью прыть. Но Перец и Яша Доминикусу попустительствуют и, вместо того чтобы наказать его по всей строгости человеческого общежития, дали коту волю. Отчего я во многом страдал.

Меня, по старой памяти, Доминикус не любил и всячески злодействовал в мою сторону. Напрыгивал в основном. Иду я по норе, а он, сволочь, сверху падает. Неприятно. И шею еще когтями раздирает. Потом царапины мучительно болят почти неделю, и никакая зеленка не помогает.

Отчасти из-за него я и переселился, окончательно убедившись в том, что кошек не переносу. Ни в каком виде. Ну разве что под грецкими орехами и корейской морковью.

Кстати, о моркови. Живот забурчал, подавая верные признаки голодания. Да, пора. Пора навестить Яшу Автохтона, гнома и кулинара. Жаль, снегоход горыны угробили, я его почти обкатал. Теперь придется новый раскочегаривать, идти на склад, с железками возиться. Опять бензином провоняю, а когда еще новый снегоход в норму войдет – неизвестно. Надо будет наложить табу на снегоходы, запретить их разбивать. И вообще, пора, наверное, завязывать с утренними забавами – гибкость в суставах уже не та. Надо мне грызть хрящ ската-хвостокла...

От площади Центральной до норы недалеко. Тут вообще все недалеко. Я поглядел на уже краснеющее и низкое солнце. Это тоже красиво – когда смотришь на вымороженное солнце, чувствуешь себя одиноким. Ну да ладно, отправимся к норе...

Нора на самом деле не нора, а гигантская пещера. Причем пещера тоже ненормальная – почти идеально округлой формы, как будто стрельнул кто из гигантской винтовки или, наоборот, как у Жюль Верна, вмуровал в землю чудовищную пушку. Из нее все время прет тяжелый, даже горячий воздух, так что никаких сосулков по краю пещеры не обнаруживается, все строго.

Пещера чрезвычайно глубокая, до дна я не доходил, а Яша почти доходил – он туда за углем углубляется, и рассказывал, что пещера ныряет почти на три километра, причем не сужается, а, напротив, расширяется, что там какая-то подземная страна даже. Конца пещеры не видно, с потолка свисают здоровенные светящиеся сталактиты, откуда-то снизу шпарит тепло, и в этом тепле и свете произрастает короткий кустарник. Но животных нет. Я собирался как-то тоже туда спуститься с Яшей, да поленился, поскольку пилить три километра вниз, а потом возвращаться мне не хотелось. Добрый Яша предложил отнести меня туда и обратно, но я постыдился.

Человек не должен ездить на гноме. Вот если бы их два было... Но Яша наличествовал в одном экземпляре.

Когда я приблизился к норе, горыны были уже там, внутри, – возле входа красовались здоровенные разлапистые следы и пахло детским садиком – кашей, сыростью, хлоркой и молоком. Это и означало, что троица на месте, что Яша уже успел почистить щеткой их жесткие шкуры. Теперь они наверняка уже сидели на главной площадке и жевали свою пшенку.

Интересно, откуда я знаю, как пахнет детский садик? Может, у меня память стала просыпаться?

А вообще, если бы показать кому-нибудь тот самый вход со следами, то многие решили бы, что у них мозговые нелады начались. Ну или что это розыгрыш – вроде как с кругами на полях пшеницы, которые организуют скучающие британские пенсионеры.

Я вошел в пещеру и стал спускаться к лежкам и к залу, где проживали Яша и Перец. В пещере было не очень темно. Перец хитро придумал: нарисовал по потолку люминофором светящуюся линию – и свет есть, и шлепать удобно.

Спускался, спускался, а на полпути к лежкам меня перехватил Перец.

Не просто перехватил, а как всегда с оригинальничаньями.

– Стой, кто идет! – заорал.

И наставил на меня «Гром». «Гром» – страшное оружие, никакой бронежилет его не остановит. Не, «Тесла», что у Сирени, круче, но и он неплох. Сам Перец в камуфляже, в бронежилете, шлем мой нацепил. Одним словом – спецназ. Вообще-то Перец военную форму не любит, а сейчас вот вырядился зачем-то.

– Что опять? – спросил я. – Обострение?

– У меня всегда обострение, – ответил Перец. – А жизнь тем временем налаживается. Ты вот знаешь, что к 2015 году пятьдесят процентов мобильных телефонов будут одноразовыми? Позвонил – выкинул, как пластиковый стаканчик.

– Зачем нужны одноразовые телефоны?

– Затем! – умно сообщил Перец. – А зачем одноразовые стаканчики?

– Удобно.

– Одноразовый телефон тоже. Позвонил – выкинул. Гигиенично. А к 2027-му каждый уважающий себя человек сможет сгонять в Америку на орбитальном челноке. А то сейчас трудно жить.

– Да?

– Ага. Ну ты вот представь: хочет какой-нибудь газовщик или нефтесос там в Небраску двинуть, гамбургера насущного отведать, ему сейчас, как последнему лоху, на «Боинге» пилить приходится. Шесть часов! Невыносимо. Да, просто невыносимо!

Кажется, Перец иронизировал. Кажется. Вряд ли его на самом деле занимали муки рядовых миллиардеров. Хотя, кто его знает...

– Консюмеризм, – вздохнул Перец, – проклятый.

– Чего?

– Немотивированное потребление, – пояснил Перец. – Когда жрут больше, чем нужно. Причем половину выкидывают. Мир, как всегда, катится в пропасть. А Ван Холл строит корабль для полета на Марс. «Арей» называется. Говорят, там даже выключатели света из бриллиантов выточены. Может, улетит?

– Вряд ли. Ему и здесь не холодно. А ты откуда все это знаешь?

– Газеты выписываю, – отоврался Перец. – Штуку тебе хочу одну показать...

Перец достал из-за спины какие-то руины, протянул мне. Оружие. Оружие было помято и изогнуто, будто слон на нем сплясал. Но я его узнал. Не мог не узнать.

Соплемет. Но не такой, как у меня. Модернизированный. И явно фабричного производства. Я поискал клеймо. Так и есть. «Ван Холл Корпорейшн».

– Знакомо? – спросил Перец.

– Допустим. И что?

– Ничего. Просто...

– Где достал? – спросил я. – Трофей?

– В том-то и дело... – рассеянно покачал головой Перец. – В том-то и дело, что... Ты что про Застенкера знаешь?

– Да ничего, – пожал я плечами. – Оборотень вроде как... Темный тип.

– И я ничего. О нем никто ничего не знает. А я чувствую, он нам еще устроит... Ладно. А у тебя? Как ящери? Летают?

– Летают, что ж им еще делать.

– Вот и хорошо, хорошо... Как послушание?

– На высоте. Послушаются.

– Это тоже хорошо... Я задумал небольшую атаку. Так, мелочь, просто попробовать, как... Они готовы?

– Вполне, – ответил я, – готовы.

– Ну и славно. После обеда поднимай их на крыло.

– Отлично! – обрадовался я. – Повеселимся наконец!

– Не, тебе нельзя, – помотал головой Перец.

– Почему это?!

– Забыл? Про рыбок?

Я промолчал.

– Короче, как сожрут свою кашу, пусть вылезают.

И Перец, насвистывая, направился к выходу.

Про рыбок я не забыл. Про такое не забывают! Кто забудет про живую бомбу, рассредоточенную в собственной крови? Бомба, подарок господина Ван Холла, – страховочный вариант, на случай, если я заупрямлюсь. Ослушаюсь. На случай, если я не вернусь. Чтобы на крючке меня держать.

Я заупряился. Я не вернулся. Бомба не сработала. Пока. Вообще-то она должна была сработать еще год назад. Год назад я был бы уже мертв...

Но я жив. А рыбки остались. Плывут себе, шевелят плавничками...

Пнул со зла стену и углубился в пещеру.

Картина, явившаяся перед глазами моими, была умильна до слезотечения, и я опять не удержался, сфотографировал. Вся троица сидела на главной площадке, опустив морды в пятидесятилитровые кастрюли. Чуть поодаль пощелкивала походная кухня, Яша с вместительным черпаком курсировал между кухней и горынами, подбавлял кашу в кастрюли. Горыны лопали с чавканьем, даже у меня аппетит разыгрался. Я проследовал в уголок, за человеческий стол. Яша тут же нарисовался рядом со сковородкой, подал яичницу с сыром и квас. Гномский квас, кстати, совершенно такой же, как обычный, человеческий. Вкусный.

Яша хорошо готовит, по-домашнему. То котлеты сделает, то холодец, и даже с хреном. Если бы не прижимистость Перца, который почему-то, как я уже говорил, противится использованию складов на полную катушку, жили бы мы неплохо. Я спросил у Яши, все ли гномы так искусны в кулинарии, и Яша подтвердил, что все. После чего я стал подумывать, не взять ли мне с собой в мое счастливое будущее тоже какого-нибудь Яшу. В конце концов, мне нужен будет денщик, повар и хороший собеседник...

Надо будет подумать.

Я поперчил яичницу, крошил в желтки сухарей и принялся за обед. Не спешил – в жизни так мало удовольствий, что приходится их растягивать. Даже от банальной глазуньи надо балдеть по полной.

Однако получить удовольствие не случилось – едва я толком взялся за вилку, как на уступ над столом взгромоздился вредный Доминикус. Он громко зевнул и принялся совершать кошачий туалет, в частности обряд вылизывания. Если бы он вылизывал лапы или бока, я бы смирился, однако Доминикус вылизывал и все остальное, что совершенно не способствовало столованию. Вылизывание производилось с чавкающими звуками, с осыпанием шерсти и мелких фрагментов. Малоэстетично производилось, одним словом. Я даже не вытерпел: подтянул к себе перечницу, открутил ситечко, высыпал в ладонь все и подкинул вверх. А что, я в кошкособы не записывался...

Сначала было тихо. Доминикус никак не мог понять, что произошло. А потом заорал. Зверски заорал, у меня даже аппетит улучшился. Потом зашипел. Потом рванул вообще. Ну, хоть что-то хорошее за день... Я вернулся к яичнице.

К сожалению, Яша был традиционалистом и никогда не готовил яичницу больше, чем из двух яиц. Так что с едой я покончил быстро. Горыны тоже уже отобедали и теперь вылизывали кастрюли, щелкая зубами. Яша стоял возле кухни, грыз засушенную буханку черного хлеба, помешивая черпаком в котле. После приема пищи горынам следовало пару часов поспать, но Перец ведь велел выгонять моих друзей на воздух...

Поэтому я скомандовал:

– Подъем!

Троица повела ушами, но от кастрюль не оторвалась.

– Встать! – заорал я.

Горыны брякнули кастрюлями и подняли на меня морды.

– Смир-рна! – рявкнул я.

Горыны приняли стойку «смирно».

– Вы переходите под начало всадника Персиваля. Понятно?

Кивнули.

– Отлично. Теперь на выход. И если он мне на вас пожалуется...

Я показал троице кулак. Троица сделала вид, что испугалась.

– Вон пошли!

Они удалились. Я посидел еще некоторое время, потом тоже вышел. Их уже не было.

Интересно, что там за задание? Неужели Перец решил напасть на Ван Холла? Вряд ли. На Ван Холла он обязательно и меня бы прихватил. Не прихватить меня на Ван Холла... За такое мстят.

Нет, наверное, не на Ван Холла.

Ладно, не будем загадывать, посмотрим. Пусть повоюет, если так хочется, а я пойду поболтаюсь. Поисследую город, посмотрю на закат, поразбираю склады. На условном западе есть еще несколько складов, на которых я не бывал.

Когда я добрался до запада, стемнело окончательно. Я залез в хранилище, но там было темно, как у негра в ухе. К тому же оказалось, что склад почтовый. На всякий случай я прихватил одну посылку – так, для интереса, а потом отправился домой.

Я дом не только из-за вида и одиночества выбрал, хотя это тоже приятно. В моем доме в подвале есть мастерская. Причем чрезвычайно высокого уровня. Все есть, даже лазерные сверла. Не знаю, что они в ней раньше делали, но мне та мастерская очень и очень кстати пришлось. Потому что... Ну да об этом потом.

Поработал я в мастерской, посидел, подул на трудовые мозоли, потом к норе двинул. Так, с обходными маневрами.

Проходил мимо бассейна и решил почему-то заглянуть, посмотреть, как там с водой. Вода была мерзлая, зеленоватого цвета. Зачем я решил смотреть на бассейн, непонятно.

Возле Гагарина постоял. Люблю возле Гагарина стоять.

Опоздал. Впрочем, опоздание оказалось кстати – на небе разыгралось удивительной силы полярное сияние. Четырехцветное, я такого раньше не видел. Вполне может быть, это из-за Перца, из-за его перехода туда, в нормальный мир. Нарушилось что-то в тутошней магнитной механике. Я почти час простоял, любуясь небесным фейерверком, пока не почувствовал, как уши начинают гореть. Тогда я уже побежал в нору.

Яша тоже ждал, готовил особый, праздничный ужин. Нам запекал здоровенную индейку с антоновскими яблоками, горынам варил их любимую овсянку. Но не простую, а с осложнениями в виде грецких орехов, изюма, кураги, цукатов и странных приправ, известных одним гномам. Каша пахла вкусно. Впрочем, индейка тоже. Хороший Яша человек.

Пока Яша кашеварил, я лежал на топчане, смотрел в потолок и думал про всякое. Вспоминал, как раньше выбирал имена по буквам алфавита, как представлял себе свое появление в далеком Мельбурне, ну, как войду весь в блестящем костюме...

Смешно.

А когда вспоминаю, что хотел папу-маму найти, мне вообще стыдно становится... Потому что оказалось, что ни папки, ни мамки у меня нет. Но с этим я разберусь. С Ван Холлом разберусь.

Впрочем, мечтаниями бесплодными я уже не маюсь. То есть маюсь, но в самой невеликой степени, для души, чтобы не окостенела. А вообще, я не знаю, чего мне хочется теперь. Не знаю...

Думал, думал, потом, кажется, уснул. Мне приснился какой-то человек в красном свитере, и я прямо во сне начал думать, к чему бы этот сон, но так и не придумал толком. А разбудил меня Яша, потому что слишком громко стал сопеть. Открыл я глаза, смотрю – Яша воздух нюхает. Ну все, значит прилетели уже. Встречать я не пошел.

Через несколько минут воздух колыхнулся – это горыны проследовали на свои лежки. Затем появился Перец. Перец был зол и густо увешан переносными зенитно-ракетными комплексами. Штуки три на нем болтались, так что самого даже видно было плохо. Перец сгрузил оружие на пол, понюхал воздух.

– Сагиб кушать будет? – спросил Яша.

Перец не прореагировал.

– Звери кушать будут? – снова спросил Яша.

– Будут, – буркнул Перец. – Завтра.

– А я бы перекусил, – напомнил я. – Там, кажется, птица?

Яша услужливо исчез, потом услужливо появился. С серебряной тарелкой. А на тарелке ножка индейки и картофельное пюре. Я такого не ел уже не помню сколько.

– Мне тоже, – волеизъявил Перец. – Жрать охота! Тащи всю курицу, и без гарнира.

Яша подал всю и без гарнира. Перец выхватил супербулат и совершенно вандалистически разрубил индейку на части. Я вообще-то думал, что он не одолеет даже половины, но он одолел. Причем на самом деле всю.

После чего молча проследовал на топчан.

– Ну и? – спросил я.

– Не годятся, – кратко ответил Перец.

Я попросил рассказать подробнее. Мне, конечно, было интересно услышать, прежде всего про процесс перехода. Но Перец как всегда не стал ничего про это рассказывать, ответил, что ничего примечательного. Просто вот ты здесь – и вот ты уже там, достаточно мощного усилия воли. Гонит, конечно. Всегда гонит, зараза.

Зато про свой налет поведал.

Они вышли там, где Перец и рассчитывал – над Карельским перешейком. Именно там, по данным Перца, располагался военный завод, принадлежащий Корпорации Ван Холла. Правда, вышли не над лесом, а над какой-то деревушкой. Перепугали двух алкоголиков и старушку, которая с перепугу прыгнула в речку и стала громко тонуть. Но хитрый Хорив не растерялся, плюхнулся в воду перед бабкой и раззявил пасть. Та перепугалась еще пуще и из реки вылетела пулей, бегом, прямо по водной глади. Алкоголики просто сели на траву и смотрели в небо, будто не горынов увидели, а стаю зеленых собак. Один указал пальцем на змеев и громко зарекся не пить больше никогда. Второй тоже от чего-то предосудительного зарекся.

По-моему, Перец ставил все это в заслугу себе, хотя мне лично кажется, что тут он преувеличивает. Все-таки Перец не так страшен, как тот же Щек.

После шороху в деревне они отправились в нужную сторону – по прихваченному с собой навигатору. Через час лету под ними объявилось озеро, а на берегу небольшой симпатичный военный городок и небольшой симпатичный военный заводик.

Дальше Перец рассказывать не стал, сказал только, что они устроили небольшое симпатичное нападение и завод спалили, но без жертв, так как был нерабочий день. Конечно, немножко пограбили, – Перец кивнул на зенитные комплексы.

Ну а в целом он остался налетом совсем недоволен. Горыны не проявили себя так, как он рассчитывал.

– Короче, не годятся они. – Перец с горечью плюнул в очаг.

– Для чего не годятся? – поинтересовался я.

– Ни для чего! Максимум, что могут – пугать пешую силу противника. Танк, пожалуй, еще сожгут. Однако даже против старого, драного вертолета не смогут выстоять. Хорошо хоть там их всего две штуки оказалось.

– Там были вертолеты? – удивился я.

– Были. Завод-то все-таки военный. Два вертолета поднялись... Короче, мы с трудом оторвались.

Перец плюнул в очаг еще раз. Мне кажется, он зря так сделал – нехорошая примета.

– Я думал, они против вертолета могут легко... – Перец собрался еще раз плюнуть, но, видимо, слюны не хватило. – Я думал, хороший выбор...

Перец выглядел разочарованно.

– Тут дело совсем в другом, – попытался я заступиться за горынов, – они еще не умеют выбирать правильный угол атаки...

– Нет, – помотал головой Перец, – нет. Это не вопрос техники и не вопрос тактики, это вопрос принципа. Они слишком медленные, слишком неповоротливые, слишком... – Перец не сразу нашел слово. – Слишком домашние. Да, домашние драконы. Совсем как...

Перец замолчал.

– Да погоди ты, успокойся. Они просто в силу не вошли, маленькие еще ведь. У них ни крылья не выросли, ни плевать на хорошее расстояние они пока не могут. Все образуется...

– Я ошибся в главном. – Перец стянул перчатки и явил на свет разбитые костяшки. – Думал, что это будет супероружие, но они не супероружие, а... пряничные дракончики.

– Ты не прав, – возразил я. – Сегодня утром они меня чуть не пришибли.

– Это все игры, – возразил на мое возражение Перец. – А Ван Холл не намерен играть.

– Ну да, он не играет. Человек, которому завязывает шнуры английский пэр, не шутит.

– Чего?

– У него потомственный пэр шнуры завязывает. А горыны у нас нормальные. Просто щенки еще, дисциплины не хватает. Но надо работать, я могу продолжить тренировки...

Перец несогласно помотал головой. Сидел, ворошил кочергой угли. Послушный Яша стоял рядом, даже тени и то умудрялся не отбрасывать.

– Знаешь, а я, между прочим, дворянин, – с какой-то непонятной грустью сообщил вдруг Перец.

Ну вот, приехали. Зря я вспомнил лордов. Теперь он будет ныть про то, что находится в изгнании.

– Да, да, дворянин, – подтвердил Перец. – Мой дед служил в Кремлевском полку, что приравнивается к службе в кавалергардском полку Его Императорского Величества. И что в свою очередь означает: я – потомственный дворянин. Столбовой, так сказать. Могу иметь двести душ мужиков, не считая баб и девок. И деревеньку. Я бы был хорошим баринком. Завел бы хор, свору борзых... И ты, кстати, тоже. Ты, значит, тоже аристократ. Хотя...

Он ухмыльнулся с сомнением. Взял бокал, подышал на указательный палец, приложил к хрустальному. На гладкой голубоватой поверхности нарисовались тонкие концентрические линии. Перец улыбнулся.

Намек прозрачайший. Кристальнейший. Это он правильно. Отпечатков у меня нет. Ни отпечатков, ни впадин, ни линий. Ничего.

А у него есть.

– Вопросы первородства, – промурлыкал Перец, – сложные вопросы...

Опять он меня провоцирует. Он частенько так делает. То ли нравится просто ему, то ли цели какие преследует, не пойму. Любит намекнуть, вот как сейчас с отпечатками, что он первый. Что он главнее. Что он лучше.

Пусть. Меня трудно вывести из себя.

– Как трогательно, – сказал я. – Только тебе представление надо послать.

– Куда?

– Князю Владимиру Кирилловичу. Он у нас царский дом теперь возглавляет, в дворяне только с его разрешения записывают.

– Откуда ты знаешь? – спросил Перец.

– Передачу видел по телику. Так что готовь документы. Справки, анкеты...

– Какие справки?

– Ну как какие? Надо для начала поехать в Швейцарию, в лаборатории «G. Genom» сдать анализы...

– Какие еще анализы? – Перец посмотрел на разбитые костяшки.

– Какие, какие... Простые. Соскоб со внутренней части щеки, кровь, слюну. Там определяют.

– Что?

Я усмехнулся.

– Как это что? Что ты действительно восходишь к Рюриковичам. Ну или, на худой конец, к Романовым. Тогда тебе выдадут справку – и можешь заводить деревеньку. Но вообще, мне кажется, ты как-то изменяешь идеалам.

– В смысле?

– Ты же вроде рыцарь был, – напомнил я. – То есть западнической ориентации. Персиваль Безжалостный в алмазных подвесках – это как-то по-нормандски. В нашей традиции больше эй ты гой еси добры-молодцы в почете. Иван-дурак там...

– Каждый русский дворянин – рыцарь, – отвечивал Перец.

Но уже грустно, без энтузиазма.

– Ну, сам смотри...

Я подумал, что нечего мне больше тут делать. Слушать байки про белую кость и голубую кровь совсем не хочется. Пойти домой решил я, давно там не был. Правда, погребу к себе в квартиру... Я как раз недавно нашел на одном складе банку отличного швейцарского шоколада, можно сварить вечером. Или, вернее, утром. Пусть тут сами разбираются, мое дело, в конце концов, сторона. И я направился к выходу.

Шагал себе, а на душе было такое поганое ощущение! Давно у меня такого не было. Может, рыбки ванхолловские в крови опять шевельнулись, а может, неприятности собирались случиться или еще что-то. Взрыв земного ядра, например. Ну, если тут есть, конечно, земное ядро, хотя я лично сильно в том сомневаюсь.

Возле лежек пахло горелым. Видимо, горыны за сегодняшний день здорово наплевались. Горелым пахло так мощно, что я даже закашлялся, в горло будто наждака крошеного насыпали. Стою, кашляю, как старый пень, думаю, где бы раздобыть микстуры, и вдруг слышу: кто-то стонет.

А кто тут может стонать? Только горыны. Или они еще кого притащили?

Я перепрыгнул сплетенный Яшей барьерчик и подошел к змеям. Щек и Кий. Хорив лежал отдельно. Ближе Щек. Я подошел к нему. Так и есть, не спит. Я запалил керосинку, и оранжевость керосинового пламени добавилась к оранжевости глаз. Щек смотрел на меня, а я на него.

Выглядел он не очень бодро. Ноздря разорвана, вибриссы оплавлены, какие-то черные пятна по белой шкуре. Я подозревал, что синяки. Второй правый клык сломан, но это ничего, новый вырастет. Досталось бедняге. Вообще-то горыны твари крепкие, все заживет дня за два. Если только крылья не...

Я взял левое крыло, растянул. Так и есть, дырки. Много дырок, как от шрапнели. Я взялся было считать, но потом плюнул. Не сосчитать. В правом крыле дырок нет, уже хорошо. А в левом много, одному не зашить. Пришлось кликнуть Яшу.

Яша появился, и уже сразу со штопаньем, у гномов удивительно развита чувствительность. Мы вдели нитки в иголки и стали зашивать. До четырех утра зашивали. Щек уже уснул, а мы все зашивали и зашивали, под конец я сам даже чуть не уснул.

Потом Яша предложил мне какую-то запеканку и кофе, но я отказался, ушел.

Шагал по улицам города, глядел на северное сияние, которое почти совсем погасло, так, только салатовые сопли жидкого формата по всему небу размазаны. Но выглядело тоже ничего: этакое фантазийное нечто в небе, успокаивающе-молочное. Ночь была хороша, одно мешало – медведь, заброшенный на телемачту, все еще орал.

Глава 4

Китайский анекдот

Перца не было неделю. Я даже не мог понять – он опять туда смотался или просто прятался, не показывался. Вполне может быть, сховался в один из ангаров, в районе аэропорта их много. Так или иначе, Перец велел его не беспокоить и не искать.

Зря велел. Ни искать, ни беспокоить его мне совершенно не хотелось.

За неделю ничего особенного не произошло. Жили как жили. Я продолжал тренировать горынов, иногда сам тренировался. Но не усердно, просто держал форму. Работал в мастерской. Это тоже оказалось интересно – работать. Все шло нормально.

Крыло у Щека заросло, дырки были совсем маленькие, со спичечную, наверное, головку. Летать уже можно. Яша смазывал крыло конопляным маслом, что, как оказалось, весьма способствует заживлению ран. Я уже думал через пару дней предпринять небольшую экспедицию в сторону юга, посмотреть, как там дела на Большой земле.

Но неожиданно объявился Перец. Заперся в мою квартиру с утра, разбудил и потащил в нору. Выглядел он довольным, озабоченным и взбудораженным, всю дорогу вслух сочинял свои стихи и рассказывал анекдоты, и все почему-то про карасей. Некоторые анекдоты были смешными, но я назло не смеялся. Так мы и дошли до норы.

Горынов уже не было, даже Щека, все отправились полетать. Яша подметал лежки, посыпал их песком. Мы проследовали в большой зал, где было все уже готово – медицинский стол, микроскоп, спиртовка с автоклавом.

– Месяц назад же проверяли, – поморщился я.

– За месяц могли передохнуть, – возразил Перец. – Такие случаи случались.

Он протер руки спиртом, достал из автоклава шприц. Медбрат из него был фиговенький, у меня каждый раз оставался здоровенный синяк. Но самому брать у себя кровь не хотелось как-то. Поэтому приходилось терпеть Перца.

Перец протер и мою руку, велел поработать кулачком.

– Внимание, сейчас вылетит спичка! – Перец улыбнулся и потряс шприцем у меня перед носом.

Затем воткнул иглу в локтевую вену моей левой руки и совершенно нагло высосал чуть ли не сто граммов крови. Прямо как настоящий медик. Медики всегда зачем-то берут целую кучу крови, хотя для самих анализов надо гораздо меньше. Один парень в приюте Бурьлина рассказывал о том, что медики – вампиры и сами потихонечку употребляют излишки. Но Перец употреблять не стал, выдавил каплю на приборное стекло микроскопа, а остальное вместе со шприцем швырнул в камин. Тоже мне, дезинфектор.

Снова протер руки и давай глядеть в окуляры и винтить винты. Потом замер и стал всматриваться внимательнее.

– Не сдохли, – сказал Перец через минуту.

Помолчал, почесался.

– Не сдохли! – уже заорал Перец.

Размахнулся и хлопнул микроскоп о стену. Прибор высек искры чем-то твердым. А вообще расплющился. Я думал, что микроскопы гораздо тверже, думал, что они – серьезный прибор. Во всем разочаровываешься, во всем. Жизнь – путь громоздящихся разочарований, как сказал Фу Ко, малоизвестный китайский мыслитель.

Разбил микроскоп. Это ничего, микроскопов у нас много. Перец нашел на каком-то складе целый контейнер – и все микроскопы. Никак не могу понять, зачем в таком городе микроскопы? Хотя, может, для школ, может, головастиков мучить...

– Думал, сдохли все-таки от холода, – сказал Перец. – А они не сдохли, впали в летаргию. Остановились.

– И что?

– А то... – Перец вытер руки. – То, что ты и сам знаешь что. Ты не можешь выйти за пределы города. Надолго. Часов восемь – и все.

Часов восемь – и сердце мое разлетится. Рыбки сконцентрируются в районе левого желудка, как тромб, сосуды не выдержат, взорвутся, клапаны взорвутся, все взорвется.

Не взорвутся. Пока я здесь.

Это от холода.

Холод – граница. Я не могу выйти за пределы. Моя мобильность ограничена пределами зимы. Жутко романтично звучит!

– Все очень тухло, – вздохнул Перец. – Очень...

Понятно. В планах Перца произошли какие-то изменения. Неделю назад он не захотел взять меня туда, в мир, а теперь вот, видимо, возникла необходимость.

– Ты опять собираешься туда? – Я указал пальцем в сторону выхода из норы.

– Угу. Туда. Устал я видеть везде только тебя да Яшку. Да горынов. Ваши рожи. Не знаю, кто хуже. Нет ничего тоскливей пустоты, сказал поэт. И одиночества в руинах древних...

Врет.

Я вот от одиночества не страдаю, мне в нем хорошо. Честное слово, хорошо! К тому же тут есть нечто, что только мое. Раньше у меня ничего своего не было, а теперь есть. Целый город свой.

И горыны. Они меня слушаются. И, мне кажется, не только потому, что я могу дать им в глаз.

Так что одиночество – как раз то, что надо. Я спокойнее стал. Впрочем, кажется, я уже говорил.

– Видишь ли... – Перец плюхнулся на топчан. – Видишь ли, нам предстоит некоторое мероприятие...

Он достал из ножен супербулат и принялся ковырять им под ногтями. Вот уж любитель поковыряться, никогда такого не видел. Вроде бы герой, супервоин и т. д. и т. п., но при этом жуткий ковыряльщик. Чемпион по ковырянию!

– Да, мероприятие... – Перец задумчиво посмотрел на наковыренную грязь. – Мероприятие, с одной стороны, достаточно простое. С другой стороны, я бы хотел, чтобы меня поддерживали в минуту, так сказать, опасности.

Перец вытер подногтевую грязь о штанину. Как ни в чем не бывало.

А что? Мелкие, даже жалкие страстишки – оборотная сторона любой масштабной личности. Черчилль обожал приклеивать марки. Облизывать и приклеивать. Сутками мог этим заниматься, если войны никакой не было. А Вагнер? Выпадал от запаха паленой пробки. Бывало, за рояль не садился, пока жженой пробки не отнюхает. Или взять Ван Холла... Нет, лучше его не брать. Пошел бы он лучше подальше.

– Опасное дело... – Перец изучал ногти на правой руке.

– Опаснее налета на военный завод? – усмехнулся я.

– В какой-то степени да. Короче, миссия может быть осложнена некоторыми обстоятельствами, и мне нужна помощь. А ты никуда не можешь толком... из-за рыбок.

– Но ты же говоришь, они остановились, – я кивнул на остатки микроскопа.

– Остановились... Но... – Перец поморщился. – Эти рыбки такая дрянь! Тут температура низкая, вот они и остановились.

– Но внутри-то у меня температура не низкая, – возразил я. – Почему ж тогда они...

– Это не имеет никакого значения. Они чувствуют, что вокруг холодно, и впали в спячку. А если почувствуют, что температура окружающей среды повысилась, сразу оживут. Ну и сам знаешь...

Я знал.

– А как же тогда Ван Холл хотел их остановить? – спросил я. – Ну после того, как я бы... как мы бы вернулись? Средство, значит, есть. Значит, можно нагрять к Ван Холлу...

– А с чего ты решил, что он вообще их собирался останавливать? – беспечно оборвал меня Перец.

Я промолчал. Мне было противно. Никогда не думал вот так... в таком вот разрезе. Наверное, я идеалист, наверное, думаю о людях лучше, чем они есть на самом деле.

– Вот и я о чем, – кивнул Перец. – Ван Холл – беспринципный убийца, совершенный монстр, ниспровергатель устоев бытия. И надо его, гада, вздернуть, пока он не разошелся по полной. Я вижу, ты согласен...

– Согласен, – кивнул я. – Его надо вздернуть.

Я сам его вздерну. Придет только время.

Перец похлопал лезвием ножа по ладони.

– К тому же Ван Холл не оставил своих идей пробраться сюда.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

Бессмысленно спросил. Все равно не скажет.

– Оперативная информация, – как всегда туманно ответил Перец. – В Деспотате появились некоторые... Потом скажу. Тянуть не стоит, надо нанести наконец удар. Довольно терпеть тиранию! Покараем злодея! А для того, чтобы его покарать, наши горыны не годятся, я уже убедился. С ним может справиться... – Перец сделал паузу. – Скажем, бомба. Есть возможность достать, китайцы нашлапали кучу боеголовок, а ракет нету. Если стянуть четыре штуки, можно сковырнуть все базы...

– Их четыре?

Перец посмотрел на меня как на придурка.

– У тебя действительно что-то с памятью, надо начать принимать витамины... Ты что, думал, ваш «Пчелиный Волк» единственный? Я же тебе говорил: таких баз несколько. Проект «Ось», проект «Бросок»... Я туда только начал подбираться, там тоже какие-то машины строят. А проект «Двина» – к нему вообще не подойти!

Однако пробило Перца на речуги сегодня...

– Но с «Двиной» мы потом разберемся, сейчас о «Пчелином Волке». О бомбе и о «Пчелином». Ваша установка просто просит бомбы! Ты как считаешь?

– Там у него ведь еще Дрюпин, – напомнил я. – И Сирень... Да и другие люди там тоже есть. Они же ни в чем не виноваты. Их надо выручить.

Перец поглядел на меня с равнодушным интересом.

– Не думал, что ты такой сентиментальный, – усмехнулся он. – Или, может, это... любовь, зачем ты мучаешь меня, а?

– Там люди.

– Мама...

Я даже вздрогнул от неожиданности.

– Доминикус, рыбка моя, – засюсюкал Перец, – ты пришел поддержать меня в час тягостных раздумий?

– Мама.

Что за тупая кошка! Столько времени прошло, а так больше ни одного слова и не выучила.

Доминикус прилебательски забрался на шею Перца и свернулся калачиком. Поглядывал на меня кровожадным глазом.

– Как говорит мой друг Коровин, ду бист гуманист. – Перец погладил кота, и я так и не понял, кто бист гуманист. – Это похвально. Знаешь, Коровин открыл бизнес – делает удочки. Свой бренд у него, называется «Korovins». Коровинз, короче. По-моему, тупо звучит...

– Я рад за него, – сказал я, хотя сам с Коровиным знаком не был.

– Да, я тоже. Так вот, я вот думаю, что бомба это не совсем то, что нам нужно. Нам нужно быстрое, точное и смертоносное оружие. А для того чтобы такое оружие достать, надо туда...

– Слушай, – перебил я, – а почему установка Ван Холла столько красных волков захватила? Их тут ведь не очень много. Я, во всяком случае, мало видел.

– Не знаю. Сколько их там у вас было?

– Четырнадцать.

Перец стал думать.

– Знаешь, – сказал он, – видимо, дело вот в чем. То есть я только предполагаю, конечно. А вдруг установка ваша, когда не отлажена была еще, неправильно срабатывала? И захватила несколько раз один и тот же момент.

– Машина времени? – усмехнулся я.

– Фиг знает. Вряд ли, конечно. Но как объяснить то, что она каждый раз цепляла одно время и одно место? Непонятно... Я же говорю – Ван Холл разрабатывает еще что-то. Что такое «Бросок»?

– Там и дракон тоже был, – снова перебил я. – Маленький. Сбит...

– Сбит на севере, – закончил за меня Перец.

– Точно.

– Это был первый...

Перец сбился.

– Ну, короче, я тогда не знал, как надо их выращивать, а он на меня напал и удрал. Потом ваша чертова машина сработала и затащила его в тот мир... Кстати, почему сюда никто не прибыл? До сих пор? После тебя?

– А откуда ты знаешь, что не прибыл? – спросил я. – Может, прибыл. Может, дура Сирень давно тут с бластером расхаживает.

– Не, – Перец зевнул и накрылся шкурой, – не расхаживает. Когда машина срабатывает, я всегда чую – зубы ломит здорово. Ну и так, другие признаки... И место чую. Вот ты свалился, а я уже рядом был, между прочим. Или забыл? Доминикус, кошечка, он забыл... Забыл, как его рыбки покусали, хи-хи-хи-хи...

– Мама, – сказал Доминикус.

В который раз я пожалел, что драконы наши завязные вегетарианцы.

– Если бы кто из вашей шайки тут был, я бы почувствовал. Их нет. Наверное, электричество кончилось.

– А если ты ошибся? Зубы ведь у тебя часто болят.

– Видишь ли... – Перец вдруг задумался. И думал долго. Потом сказал:

– Нет, человека они сюда не сбрасывали. Если только что-нибудь пробное... свинью или... Человека точно не сбрасывали.

Странно все это, думал я. С чего вдруг Ван Холл не послал следующего? Вернее, следующую. Сирень. Дрюпина он пожалеет, все-таки технический гений, а Сирень отправит, ее не жалко.

Сирень, Дрюпин, я. Проект «Пчелиный Волк». Проникновение в Страну Мечты и взятие оной по контроль. С лицензией на убийство.

Сообщаю для тех, кто про меня еще не знает.

– Человека не сбрасывали, – повторил Перец.

Да уж... Ван Холл почему-то никого к нам не отправлял. Медлил что-то.

– А может, они самоходом пробрались? – предположил я. – Под покровом ночи? Есть же несколько мест, где можно проникнуть, ты сам говорил...

Перец промолчал, а я развил мысль:

– Пробрались и уже крадутся, вооруженные до зубов.

– Никто к нам не крадется, – оборвал Перец. – И вообще, пора заняться делом. Правда, Доминикус?

Доминикус промолчал.

– Надо начинать. – Перец вдруг зевнул и повернулся на бок. – У меня намечен план... Для начала разберемся с тобой. Надо тебя излечить. Завтра... Ну да, завтра и займемся излечением, звезды благоприятствуют. Ладно, спокойной ночи, прекрасных снов. Доминикус, золотце, правую ногу ломит нестерпимо, а у тебя сегодня изумительная энергетика. Согрей же мои конечности своим горячим телом!

Перец дебилливо хохотнул. Даже не дебилливо – психойдно.

Он меня пугал в последнее время. Беспokoил. Он изменился. Причем здорово. Не тот уже был Перец, что раньше. Даже не тот, что полгода назад. Раньше я его понимал, а теперь... Бешенство в нем какое-то образовалось. Это не было видно, но я чувствовал – кипит у него внутри что-то. Дикое, страшное, непонятное.

Честно говоря...

Честно говоря, я начал серьезно подозревать, что Перец свихнулся. По-настоящему. Я немного знаком с психологией, и теоретически, и практически. И я видел: шутовство и ярость, бесстрашие и крайняя мелочность, сарказм ядовитый и бесконечный, великодушие, мелкота – все в одном человеке. И все – на протяжении буквально нескольких минут, как в калейдоскопе.

Такие вещи опасны. Чрезвычайно опасны. Шизофрения. Нет, вряд ли Перец был уже законченным шизиком, но первые шаги на сем славном пути он уже явно сделал. Иван Грозный... Я вдруг вспомнил, что Иван Грозный был точно таким: с утра истово молился, затем завтракал, затем шел в застенки. С утра Казань брал, а днем какого-нибудь там Басманова в медвежью шубу зашивал и волкодавами его, волкодавами. Вечером же раскаяние, и давай себя плеткой стегать... Сказки любил очень. Не знаю, ковырялся ли в ногтях, но сказки любил.

Перец изменился. Не знаю, из-за чего. Из-за всего, наверное. Из-за Ван Холла, из-за Лары.

Все сложно и все просто, это да.

И вообще – что можно ожидать от человека, которого пытались скормить анакондам? Вряд ли бы он вырос Дедом Морозом.

Но и Ивана Грозного мне в начальниках лицезреть не улыбалось. Еще не хватало!

Психи, кругом психи. И медведи. Хоть в Намибию беги. Перец... Раньше я его понимал и не боялся. Сейчас я не мог сказать ни того, ни другого.

Доминикус замурчал и сверкнул на меня злодейским глазом. Будто мысли мои услышал.

Я плюнул и пошел к себе, на мороз. Не могу жить в норе, плохо мне от норы, кошаком все провоняло.

Вдруг вспомнился китайский анекдот.

Приехала англичанка в Китай, изучать эпоху Мин. Зашла в ресторан, а там ассорти мясное. Ну, она на всякий случай спросила, что за мясо. А официантка говорит, что кошатина, попробуйте, очень вкусно.

Англичанка: «Как я могу кошек есть, если у меня самой кошка дома живет и я ее очень люблю?!»

Официантка: «А вы купите другую кошечку и съешьте ее».

Вот так.

Глава 5

Депрессивный супермен

Мы торчали на крыше моего дома. Я, Перец и троица. Кий и Щек в своем репертуаре – пытались цапнуть друг друга за хвост, Хорив был как всегда настроен философически – сидел, свесив голову, смотрел в молоко.

Перец туда же, устроился на ограждении спиной к пространствам, воздействовал на мою нервную систему. Не, я сам бы его подтолкнул, честное слово, мне его не жалко. Вот такое тупое балансирование на грани меня нервирует. Как пенопластом по стеклу для некоторых.

Вообще-то я вышел на крышу не для встречи с ним, а пофотографировать. В двенадцать часов солнце висит как раз напротив гор, и горы начинают светиться непривычным пурпурным цветом. Настоящий художник не может пропустить такого. А я как раз отыскивал неплохие объективы, приготовился. Горыны копошились поодаль, мир, тишина...

Но снимать не пришлось – появился Перец. Так всегда: только решишь заняться творчеством, как какая-нибудь баранина обязательно влезет. Пришлось свернуть технику. Прощай, солнце.

Перец наорал на горынов и вручил мне рескрипт.

Вообще-то это был никакой не рескрипт, а обычный план, но Перец подписал его именно так. Я давно заметил, что он склонен к устаревшим речевым оборотам. Вернее, не то чтобы склонен, а любит ввернуть. Для умности. И собеседника поражает, сразу начинаешь чувствовать, что не с простым человеком разговариваешь, а с оригиналом. И может быть, даже судьба у него за плечами.

Ну, короче, рескрипт.

«Рескрипт.

В связи со сложившейся обстановкой на вверенной мне территории в течение ближайшего времени предполагается провести следующие неукоснительные мероприятия, направленные на устройство должного всеобщего миропорядка.

Во-первых. Произвести секретную операцию под кодовым названием «Вуалехвост».

Во-вторых. Произвести акцию в отношении недружественного псевдогосударственного образования, широко известного как «Владиперский деспотат». Цель акции:

а) ликвидация верхушки деспотата, включающей следующих лиц: самозваного деспота, провозгласившего себя единственным владельцем Страны Мечты и именующего себя благородным Пендрагоном, на самом же деле являющегося всего лишь Ляжкой (фамилия неизвестна); самозваного помощника деспота, начальника гестапо Деспотата, вульгарного оборотня Застенкера; идеологических организаторов, в число коих включаются недопоэты Тытырин и Снегирь (не знаю, кто именно холуйствует сейчас), а также всевозможных сателлитов и подкаблучников. Ликвидацию осуществить с помощью пленения и насильственной переброски длинным путем;

б) подрыв технической базы Деспотата с невозможностью его дальнейшего возрождения (в частности, уничтожение мощностей по производству активационного некрофлюида, известного как «мертвая вода»);

в) устрашение невольно примкнувших к деспотату или сознательно заблуждающихся;

г) изъятие контрибуций и репараций, полагающихся за нанесенный моральный ущерб.

В-третьих. Организация комплекса мероприятий, направленных на устранение угрозы извне, в частности мероприятия, долженствующие воспрепятствовать проникновению агентов Корпорации Ван Холла. Также следует произвести массированную вылазку, целью коей должно стать разрушение установки по проникновению в Страну Мечты, разрушение сети тай-

ных баз по производству бесчеловечных экспериментов, ликвидацию идейного вдохновителя экспансии Ван Холла и его приспешников.

В-четвертых. Организация жизни.

Писал Персиваль Безжалостный, владетель Великия, и Малыя, и Белыя Страны Мечты, Рыцарь Алмазной Твердыни, Кавалер Золотого Локоня и прочая, прочая, прочая...»

Написано было довольно коряво, слог какой-то рваный. Мне не понравилось. Не, на бала-лайке Персивалю не играть. А он, Персиваль Безжалостный, смотрел на меня с ожиданием одобрения, хотел, чтобы я рассмеялся или хотя бы улыбнулся, но я ничего такого не сделал. Я спросил:

– А с чего ты решил начать с деспотата? Логичнее сразу взяться за Ван Холла...

– Логичнее делать так, как я скажу! – рявкнул Перец. И тут же перешел в нормальное состояние: – Видишь ли, надо проверить кое-какие подозрения. Конечно, деспотат, по большому счету, помойка, но... Там что-то неприятное происходит. Я это чувствую. Да, чувствую. Надо начинать с него. Нельзя оставлять его за спиной... Да и вас следует испытать в боевых условиях.

Понятно, ничего не скажет.

– А секретная операция – это что? – уточнил я.

– Потом узнаешь.

– А излечение меня? Поподробнее можно?

– Можно. От голубых золотых рыбок есть одно верное средство. – Перец растягивал противоморозную маску, чтобы не прилипла. – Вернейшее средство! Оно, кстати, еще от множества других болезней излечивает...

– Только не говори, что это пурген, – злобно сказал я.

– Пурген? – удивился Перец. – А я и не подумал... Точно ведь! Куда мы летим? Зачем летим? У меня отличный запас отличного пургена! Будешь принимать утром, днем и вечером, и очень скоро рыбки выйдут естественным путем. Немного неэстетично, но зато обещает стойкий терапевтический эффект.

– Сам жри свой пурген! – обиделся я.

Перец расхохотался.

– По этому поводу я тут сочинил... Вот послушай:

Пургена капли звонкие наполнили бокал,
Бестрепетным движением поднял его над прахом дней
И выпил враз!
Какое облегчение!
Какой экстаз!

В последнее время в нем проснулся поэтический дар. Нет, я бы так сказал – очнулся поэтический дар. Давно он не сочинял, а тут вдруг пожалуйста. Наверное, от весны, а, по моим подсчетам, в том мире как раз весна. Весной же люди дурят. А те, кто сюда попал, изначально дурканутые. Я уже говорил, что тут целая куча поэтов, многие тут сочиняют. Сам Перец говорит, что Страна Мечты улучшает реакцию, так вполне может быть, что и творческие возможности она мобилизует. Потому всех на творчество разное тянет. А какое самое примитивное творчество? Правильно, стихи лабать. Для живописи требуется талант, для музыки гений, для фотографии вообще видение надо иметь. А стихи может любая сволочь конопатая. Берешь бумажку, берешь карандашик – и давай. А если бумажки нет, то можно прямо так, на память. Или на заборе. Да, творческие возможности тут расцветают, я по себе заметил. Фотографирую – прямо зубы трескаются. Запечатлеваю мир, пишу его скорбную летопись.

И Перец тоже ведет летопись, только в стихах. Высокопродуктивный скот хорошо отзывается на уход... Перец сочиняет препоганенькие стишочки по поводу и без повода, просто так. И не только стишочки, в крупной форме тоже работает, так что я даже стал в конце концов подозревать, что бессмертный шедевр Ляжки Пендрагона «Беспредел медведей в Тевтобургском лесу» принадлежит отнюдь не перу Владетеля Владиперского Деспотата.

– Ну как? – осведомился Перец. – Понравилось?

– Омерзительно, – сказал я.

– Странно... Тебе же, кажется, нравятся эти... «Стероидные Бомбардировщики»? А у них, насколько я знаю...

– Не смешивай мед с наоборот, – оборвал я.

Несколько афористично, но строго.

А что он о себе думает? Что ему можно своими липкими лапками в святое?

Перец поглядел на меня с завистью.

– К тому же они не «Стероидные Бомбардировщики», а «Анаболические», – поправил я.

– Не смешивай мед с наоборот... – задумчиво повторил Перец. – Хорошо. Хорошо получается... Ну, тут ничего не поделаешь – генетика. Ты сам стихи не собираешься писать?

– Я фотографировать собираюсь, – ответил я. – Вернее, фотохудожником хочу стать. Впрочем, это никого не касается. И вообще, при чем здесь поэзия?

– Поэзия тут как раз при чем.

Перец безрассудно поерзал на ограждении. Тридцать метров вниз за спиной его ничуть не смущали.

– Видишь ли, горыны, – начал объяснять он, – не все, конечно, но некоторые из них, чрезвычайно сентиментальны. Просто до ужаса. И если такого горына давануть по лирической рельсе, то он рано или поздно разревется. Слышал про крокодильи слезы?

– Ну слышал, и что? – не понимал я.

– А то. То, что драконья слеза излечивает почти от всех болезней. Достаточно какого-то жалкого пузырька драконьих слез – и твои рыбки передохнут!

Я посмотрел на горынов. Троица разбрелась по крыше и маялась бездельем. Щек и Кий тупо, без азарта перетягивали какой-то драный брезент, Хорив с сентиментальным выражением на морде жевал бочку с гудроном. Мир, покой, благодать.

– Но для того, чтоб горын заплакал, нужен сочинитель, – продолжил Перец. – Нужен поэт. Ну, в смысле настоящий. Не такой, как я, не такой, как Ляжка. Хороший поэт.

– Ну, можно туда, – кивнул я в небо, – смотаться. Прихватить какого-нибудь там лирика-сатирика – и обратно.

Перец покачал головой.

– Технически, конечно, возможно, но вот этически... Видишь ли, затащить сюда кого-нибудь против воли я не могу, да и не хочу. И если тащить оттуда, то придется выискивать какого-нибудь сочинителя, который не прочь прогуляться сюда. Или придется его уговаривать. Морока. И времени много уйдет. А нам дела надо делать, я же говорил. Так что придется тут кого-нибудь отыскать. Какого-нибудь таланта.

– А если на память стихи почитать? – предложил я. – Или по книжке. В городе наверняка библиотека есть...

Я указал вниз.

– Не пойдет. – Перец тоже поглядел вниз. – Книжку-то мы, конечно, можем найти, а вот почитать... Тут талант нужен. Или сам автор. У тебя есть талант?

Ну, я, само собой, скромно промолчал.

– Вот и я о том же, – покивал Перец. – Но ситуация не столь безнадежна. Помнишь поэтический ристаж? Там паренек еще был, Ракитченко...

Я покачал головой.

– Не помнишь?

– Не. «Беспредел» вышиб все, что только можно вышибить. Знаешь, такой мощный культурный шок, что как-то память... дала сбой. Как всегда.

– Не, у меня тоже, конечно, «Беспредел» шок вызвал, – снова покивал Перец, – но, видимо, не такой сильный. Я там еще кое-что другое услышал. Так вот, Ракитченко тот вроде ничего, умеет сочинять... Во всяком случае, никого лучше мы не найдем здесь. Надо его сюда приволочь, выжать драконьи слезы, излечить тебя от рыбок...

– А потом? – перебил я.

– Потом надо кое-что сделать, кое-куда отправиться...

– Нет, что с Ракитченко потом будем делать?

Я поднапрягся и вспомнил парня – он был явно не приспособлен для проживания в СМ. Сопля.

– Нам ведь необходим специалист по идеологии...

– По чему? – не понял я.

– По идеологии, по связям с общественностью.

– Зачем нам связи с общественностью?

– Для ведения информационной войны, – спокойно пояснил Перец. – Надо сочинять листовки, организовывать операции подрывного характера, готовить массированную акцию...

– Против Деспотата?

Перец плюнул.

– При чем тут Деспотат? Деспотат ерунда, его мы в полсчета распотрошим, с полплевка.

Я бы не был так беспечен. Деспотат тревожил часто. Регулярно. Великий Пендрагон, Не Осквернивший Седла, никак не мог смириться с нами. Сначала по мелочи пакостил, насылал какую-то жалкую порчу. У меня вот, к примеру, регулярно открывалась икота, и Перец сказал, что икотчики – такие мелкие японские проклятия, которые убивать не убивают, но и жить толком не дают. Месяца два назад они меня чуть не замучили.

А с месяц назад и вообще случилось... нашествие кобольдов. Хорошо спланированное. С разных сторон вторглись, скоординированно. Только зря, бесполезно – от остальной Страны Мечты нас отделяют горы и ледяное пространство. К условному востоку горы вообще непроходимые. К условному югу в горах есть, правда, ущелье, но все равно непроходимо – после ущелья снег километров на пятьдесят, а может, больше. Не знаю, как тогда Перец протащил меня через все это...

Ну да, конечно, для него же расстояний нет.

Для Перца нет, для кобольдов есть. Так вот, кобольдовое нашествие застряло и замерзло. Если подняться повыше в горы, можно увидеть – в снежное поле врезаются черные рваные клинья. А если спуститься пониже, то другое можно увидеть: кобольды, вмерзшие в снег. Некоторых мы побили, другие сами замерзли. Вообще, с ними не так уж сложно воевать. Если бы еще не их количество... Интересно, где Ляжка столько набрал? Наверное, не одно гоблиновское кладбище распотрошил.

– Деспотат потом все-таки, – Перец перебил мои мысли. – Для начала надо поговорить с...

Перец замолчал и вздохнул. Так я и не услышал, с кем Перцу надо поговорить.

– И вообще, я зашел к тебе, чтобы кое-что обсудить.

Перец слез с перил.

– Ну, давай обсудим, – кивнул я.

– Не здесь же.

– Опять на мост? – поморщился я.

– Да, на мост. На мосту как раз обстановка подходящая.

Угу, подумал я, для таких психов как раз подходящая.

– Пойдем, пойдем... – Перец направился к лестнице.

Я обернулся к троице и гаркнул:

– Свободны! Два часа!

Шшур! Горыны сорвались с крыши. Щек зацепил кирпичный парапет, парапет качнулся и обрушился вниз.

– М-да... – оглянулся Перец. – С координацией у них вилы... Давай, поспедай...

И Перец остановился в задумчивости.

– Сейчас только...

Потом подошел к краю крыши, уперся ногой в оставшееся ограждение, толкнул. Парапет ушел. Бух! Дом тряснуло. Перец довольно улыбнулся и стал подбираться к старой, выветренной трубе на краю крыши. Я не стал смотреть на этот маразм, пошагал к лестнице. Когда спустился до третьего этажа, дом тряснуло еще раз, видимо, Перец трубу все-таки толкнул.

Кинг-Конг недорезанный.

Я зашагал быстрее.

Перец догнал меня уже на улице Горноспасательной, в том месте, где она ломалась и круто шла к реке.

– Хочу посидеть на дорожку, – сказал он. – И это... там красиво.

Романтик чертов. Грааль он отыскал, а на крыше поговорить ему влом, видите ли... Эстет.

– Там медведи могут быть, – напомнил я. – Поговорить не дадут, будем отстреливаться.

– Да пусть с ними... – Перец плюнул, плевков застыл, покатился под горку.

Улица Горноспасательная похожа на ущелье. Сама узенькая, по обеим сторонам высокие дома. Здесь всегда сумрачно, даже темно. Идешь как по темному туннелю, которому конца не будет. Затем неожиданно дорога перегибается вниз, и к реке буквально выскакиваешь.

Река, конечно, замерзшая. Даже не замерзшая, а промерзшая до дна. Но сверху снегом ее не замело, и когда стоишь на льду, то кажется, будто болтаешься над пустотой. Все видно, каждого хариуса, каждую малявку. А у самого дна что-то похожее на осьминога, но разобрать трудно. Перец говорит, что это водяной. Я раньше все собирался взять бластер и прожечь до дна дыру, да не собрался, а теперь вот не знаю даже... Зачем мне водяной?

Над рекой мост. Весьма примечательная штука. Мост перекидной и висит высоко над водой. Однако до другого берега не дотягивается, обрывается прямо над центром реки. Причем обрывается просто так, будто ножом срезал кто.

Получается мост в никуда.

Мы остановились над рекой.

– Это место мне особенно нравится, – сказал Перец.

– Почему? – спросил я.

– Очень наглядно. – Перец кивнул на мост. – Прекрасно демонстрирует главный принцип Страны Мечты.

– И что за принцип, если не секрет?

– Мечта имеет границы, – промолвил Перец и начал спускаться по улице к реке.

Аккуратно, как старичок, честное слово. Приглядывался, куда ступить, кряхтел, поскальзывался, бил себя ногами по коленям. Я тоже спускался, но по-нормальному, без выделывания, просто осторожно. Я сюда нечасто вообще-то хожу, мне мост, да еще в таком виде, не нравится. Есть в нем что-то неприятное. Мост, который через овраг – ну, там, где столбы все время гудят, – мне просто безразличен, я к нему спокойно отношусь, а этот меня напрягает. Какой-то недоделанный. Вообще, мост – символ пути в другой мир, во всех культурах так. Место опасное и мистическое, под ним всегда черти водятся. И мне кажется, недаром Перец так этот мост любит. Ну да мне все равно.

Мост обладал еще одной странностью – на нем росли сосульки. Но не сверху вниз, а снизу вверх. Сталагмиты. Если то, что мост обрывался над рекой, я еще мог как-то объяснить – строили-строили, да недостроили, – то сталагмиты не объяснялись никак. Впрочем, я уже давно понял, что искать всему объяснений не стоит.

В сталагмитах была проложена тропинка, по ней мы прошли до самого обрыва. Вернее, обреза.

– И что? – спросил я.

– Хочу посидеть на дорожку, – повторил Перец.

– На какую дорожку? – не понял я.

– Как на какую? Полетим за Ракитченко.

– Ты чего?! – Я просто обалдел. – Раньше не мог, что ли, сказать?

– Я же тебе говорил. А боец должен быть всегда наготове.

Во, блин, уродец! Я даже онемел немножко от таких разворотов.

– Я револьверы не взял...

– Зато я взял. – Перец распахнул полушубок.

На поясе у него красовались Берта и Дырокол. И два патронташа. Один резиновый, другой урановый. Перец расстегнул пряжку и швырнул оружие мне, ухмыльнулся:

– Мудрый вождь позаботился о своих глупых вассалах.

Вот как. Позаботился.

– Говоришь, мы летим за Ракитченко? А ты хоть знаешь, где он?

– Примерно. Найдем.

– Найдем... Я вот не думаю, что мы так легко его найдем...

– Ты изменился, – усмехнулся Перец. – Год назад был настоящий Рэмбо Шварценеггер, а теперь какой-то рефлексирующий гимназист...

– А ты тоже...

Я тоже хотел сказать, что он не в лучшую сторону поменялся, но сказал по-другому:

– Нытик ты. Стал нытиком.

– Сам ты нытик, – капризно огрызнулся Перец. – Ладно, не будем... Ты готов или сбегашь за подгузниками?

– Готов, – ответил я.

– Никогда в тебе не сомневался.

– А может, по пути в Деспотат еще заскочим? – предложил я. – Поговорим там со старыми товарищами, свергнем кого-нибудь... Ну так, чисто для торжества сил света над силами тьмы? Поглядим, что там да как там. Этот Застенкер...

– В другой раз. Для начала...

Перец замолчал.

– Вообще-то хорошая идея, – сказал он через минуту. – Весьма. Только не в Деспотат, а к Ляжке, мы еще успеем... Надо нам к гномам заглянуть, к инфекционным.

Я поглядел на него вопросительно.

– Ну, к тем, которые смеялись все время, смехотун где. Там, где Кипчак остался за старшего.

– Кипчак? – удивленно переспросил я.

– Да, Кипчак, сын Робера. Да ладно, не прикидывайся, что забыл все. Такое ведь не забудешь! Ты там еще показал себя во всей мощи, прямо сражение при Фермопилах устроил.

Перец подмигнул.

Я покраснел. Хорошо, хоть маска на мне была. Да, слишком уж я там героически себя показал. Прямо не знаю, царь Леонид какой-то на самом деле, правильно Перец подметил. Сначала вроде приятно было героем себя чувствовать, а потом стыдно стало. Неудобно, что

ли... Я не любил тот эпизод вспоминать, а если вспоминал, то вздрагивал от неприятности. Если же он мне снился, то я просыпался.

Перец продолжал:

– Ты тогда всю нашу дорогу лопушком прикидывался, типа, ничего не могу, ничего не понимаю, а как пришел урочный час, так ты и вышел... Весь такой блистающий, весь такой ослепительный, аж отслоением сетчатки грозило!

Злобненько.

– Не надоело придуриваться? – нахмурился я.

– Пух, пух, – Перец изобразил перестрелку, – и жесточайше почикал негодяев! Как там говорится... Беспрекословной рукой, во! Так их отбеспрекословил, что у них всякая охота на добрых людей нападать и отпала. И вообще все отпало, они все померли враз. Знаешь, в честь такого выдающегося события мой друг Поленов, ты его не знаешь... мог бы сделать тебе отличную татуировку. Вытатуировать у тебя на груди тебя самого! Или нет, лучше не тебя самого, лучше Мамина-Сибиряка.

– При чем здесь Мамин-Сибиряк?

– А ни при чем, – хохотнул Перец. – Фамилия просто такая... Величественная. Не знаю, как тебе, а мне на ум приходят простые, но в то же время волнующие строки. Допустим, такие:

Лошадка хмурая
Бредет сквозь лес
А я прицелился
Достал обрез...

– Погнал ты что-то... – осторожно сказал я.

Перец часто стал гнать. Гнать и стишки сочинять. Какая-то в нем нервозность ни с того ни с сего прорезалась, я уже говорил. Не знаю, мне кажется, его лечить надо. Комплексными методами. Но он лечиться не будет, он упертый. Будет веселиться.

– Почему это погнал? – напрягся Перец.

– Ну вот что это значит – «а я прицелился, достал обрез...»? Обычно наоборот бывает. Обычно сначала обрез достают, а потом уже прицеливаются.

– Верно, – кивнул он, – я не заметил. Я вообще такой невнимательный, ничего не вижу. Вернее, вижу, но понимаю, что именно видел, только потом. Вижу – сволочь какая-то, но не понимаю...

Перец сбросил полушубок, выхватил меч. Я же говорю, заносит его. Юноша на грани нервного срыва.

– Лариска на тебя так тогда смотрела... – Перец игриво пошевелил бровями. – С восхищением.

Он подошел и принялся тыкать меня рукояткой в бок, снова подмигивать, щурить глаз и вообще натужно веселиться.

– С таким восхищением... Прямо, ну не знаю... Ты ее поразил!

Перец начал медленно вертеть мечом над головой. Над своей. Ну и над моей заодно. Не очень приятно.

– Ты имел бы у нее успех, – сказал Перец. – Настоящий герой...

– Да какая Лариска-то?

– Ты бы имел успех... – талдычил Перец. – Большой успех. Еще бы – такой могучий, защитил женщин, больных, детей, больных женщин и детей, сирых, убогих, одноногих...

Опять. Опять заскок.

– Герой... – Перец поморщился. – Без страха и упрёка...

Потом шагнул назад, сделал незаметное движение, и клинок оказался у самого моего носа. Острием. Перец улыбался.

– Какая Лариска? – повторил я вопрос. – Ты чего? Может, тебе кровь дурную отворить стоит, сбросить давление?

– Не помнишь? – Перец прищурился еще больше. – Кровь отворить?

– Не помню, – простодушно ответил я. – У меня провалы в памяти случаются... Я тогда переволновался...

– Да ладно, – Перец отступился, – ладно. Ну, та, рыжая. Лара. Неужели ты внимания не обратил? Она такая, эффектная.

Перец взмахнул мечом в сторону большого сталагмита. Сталагмит секунду еще стоял, затем съехал и раскололся.

– Такая, знаешь... – Перец глядел на другой сталагмит. – Такая...

Я молчал. Ждал, что будет дальше. А он принялся рубить сосульки.

– Она думала, что я дурачок... Дурачок...

Перец размахивал мечом, ледяшки разлетались крупными осколками.

– Дурачок, дурачок, дурачок...

Совсем разошелся, целую просеку вырубил. И быстро так! Вырубил и сделал вид, что утомился.

– Нервы надо беречь, – сказал я назидательно. – Распустился, как баба...

Этот псих отвернулся от сталагмитов и уставился на меня. Обострение обострялось...

– Чего глядишь?

– Давай, – Перец неожиданно посерьезнел.

– Что давать?

– Давай, – Перец кивнул на кобуры, – кто кого.

– Не хочу.

– Отчего не хочешь?

– Оттого, что холодно, – ответил я. – Придется раздеваться, валенки расшнуровывать...

– Так и скажи... – Перец спрятал меч в ножны. – Так и скажи, что боюсь.

– Не боюсь.

Вообще-то мне на самом деле не хотелось снимать полушубок. На самом деле холодно, к тому же на мосту еще и ветер такой дул, мерзлое ухо, прибавлял свежести.

– Боюсь... – не успокаивался Перец. – Я сразу заметил, что ты по части реальных схваток слабоват. Ты только перед девками герой, любишь, чтобы они тобой восхищались и падали в обмороки. Ты просто девчачий герой! Я сегодня нарочно выйду в город, найду перекись водорода в таблетках, для тебя специально. Чтобы ты челку в блондинистый цвет перекрасил и ходил так...

Я скинул полушубок. Не, я не позволил себя развести, меня вообще трудно развести. Просто я подумал, что, если мы сейчас в очередной раз не выясним, что он круче меня, он ведь не успокоится. Будет ныть, ругаться, а потом еще какую-нибудь мне гадость мелкую устроит во время похода. Так что лучше уж сейчас, сразу разобраться.

Смешно. Перец ревнует. Себя к себе. Какой психологизм! Если бы про нашу историю узнал Рюноскэ Акутагава, он бы съел собственный котелок. Таких психологических Марианских впадин даже у него нет.

– Ого! – продолжал меня дразнить Перец. – Да ты не так труслив, как мне казалось! Пожалуй, я тебе не перекись водорода достану, пожалуй, я тебе хну подарю...

– На раз-два-три? – спросил я.

– К черту раз-два-три. На звук.

– На звук так на звук, – согласился я.

Перец кряхтя поднял с моста обломок сталагмита, широко размахнулся и подкинул кусок в воздух.

– Понеслась... – Перец скрипнул зубами.

Мы стояли друг против друга и ждали, когда лед ударит в лед.

Мне показалось, что я услышал звук раньше, во всяком случае, я уже тянулся к рукояткам револьверов, а Перец стоял совершенно расслабленно. И я начал поднимать оружие, заранее давить на курки, как вдруг...

Я даже не заметил толком, как он это сделал. Быстро, как в фильмах про самураев. В руках вспыхнула боль, удар меча выворотил револьверы, они с мерзлым железным звуком грохнулись на мост.

Как всегда. Перец победил, как всегда.

– Вот так-то, – назидательно сказал Перец и двинул к берегу.

Кисти болели. И пальцы болели. Теперь точно синяки будут. Интересно, а если бы Варгаса против него выставить?

– А в бою я тебе руки вообще обрубил бы. По самые локти... – Перец обернулся и показал мне язык и хихикнул.

– Это все теория. И только на ближнем расстоянии. А если бы между нами было метров двадцать... – Я подобрал револьверы, спрятал их в кобуры и снисходительно покачал головой.

– Если бы было метров двадцать, то в тебе, рыцарь печального образа, были бы красивые дырки. В количестве двенадцати штук.

Вжжик!

Чего-то подобного я ожидал. Падок Персиваль на такие фокусы. На эффекты. Как всегда, я даже не успел заметить – мимо моего носа промелькнула стальная полоса, меч прошелестел в воздухе.

– Примерно вот так... – бросил Перец.

Клинок пробил одну из стальных ферм и застрял в ней.

Я пожал плечами. Что с ним спорить? Супермен. С разлагающейся психикой.

Перец глядел на меч без всякого удовольствия. Как-то тупо глядел. Видимо, отпустило.

– Ну что, – спросил я, – полетим сегодня? Или будем и дальше могуществом мериться?

– Да, – окончательно успокоился Перец, – полетим, конечно.

– Нервы беречь надо, – посоветовал я снова. – А то совсем психом станешь.

– Знаю, – буркнул он. – Ты того, иди посмотри, как там... все... А я посижу...

Он подошел к ферме, стал раскачивать меч и помалу вытаскивать его из железа. Я вернулся и направился в город. Кто-то же должен в конце концов готовиться к полету? Или к налету. К путешествию, одним словом.

Путешествие – это хорошо. Целый год снег, от него и устать можно. Заболеть снежной болезнью.

Потом, уже добравшись до Горноспасательной, я обернулся.

Перец сидел на краю моста. Понуро сидел, депрессивно. Депрессивный супермен.

Не, не сиганет, подумал я.

Глава 6

Говен, Пердикка и царь Леонид

Кий завис в воздухе. Перец помахал мне рукой, я ткнул Щека пятками, тот подлетел к Кию и тоже завис. Хорив же поднялся чуть вверх и кружил теперь над нами. Его было плохо видно – белое на белом всегда плохо видно.

Меня очень удивляет эта их способность – зависать. Правда, зависать они могут совсем ненадолго, минуты на три, но все равно впечатляет.

Перец смотрел вниз.

Там были только облака. И над головой тоже облака, только чуть более легкие и разноцветные. То есть мы болтались между облаками. Тут, кстати, было совсем не так холодно, как у нас. Скорее сыро. От сырости даже полущубок не помогал.

Идея лететь выше облаков принадлежала Перцу. Я бы, конечно, не стал так высоко забираться, но он сказал, что в полете над облаками есть свои преимущества. Во-первых, воздух разреженный и скорость больше, во-вторых, воздушных ям там гораздо меньше, путешествие получается плавное и нетряское. В-третьих, с земли нас не видно, а значит, фактор неожиданности на нашей стороне. Ну а с влажностью можно и смириться.

Хотя мне сдавалось, что так Перец еще и подстраховывался немного – ведь не только нас не видно за облаками, но и землю тоже не видно, ориентироваться-то нельзя. И расположение северного города по отношению к остальной территории остается в тайне. Для меня. Конспирация, короче.

Но все равно полет был похож на русские горки. Драконы отыскивали восходящие потоки воздуха, поднимались по ним, затем планировали вниз. Крыльями при этом почти не работали, так, лишь самыми кончиками. Как они ориентировались, не знаю, Перец говорил, что у горына в башке что-то вроде компаса, он всегда летит в нужную сторону.

Такому качеству можно было только позавидовать. Я лично, как мы в облака вошли, сразу всякую ориентацию утратил, с трудом понимал, где верх, где низ, честное слово.

А Перец как-то ориентировался. Мы летели совершенно обычно, а он вдруг дал отмашку. Кий завис, Перец стал всматриваться в облака под ногами. Всматривался, всматривался, а затем указал пальцем.

Я едва успел схватиться за ремень, потому что по его знаку Кий свернул крылья и ухнул в вату. И Щек тоже свернул крылья и тоже провалился.

Ненавижу такие штуки. Нет ничего противнее – внутренности просто выскочить собираются, воздух выдавливается через уши, в глазах дым. Не, орать я не орал, все-таки удержался, хотя очень хотелось. Мы прошли облака и выпали на свет – только что под нами была скучная серая манка, и вдруг мир взорвался пугающим многоцветьем. После более чем года белизны я был ослеплен красками и чуть не закрыл глаза, но тут Щек стал выкруливать из пике, и мне захотелось видеть.

Под нами покачивалась тундра. Фиолетовая, с редкими вкраплениями зеленого и белого. Еще под нами было поселение. Коричневый, почти идеально круглый пятак, разделенный на ровные квадратики.

Кий выравнивался, Щек тоже, но скорости они не снижали. Хорив продолжал висеть над нами. Все по правилам – прикрывает сверху, как я и учил. Мы явно направлялись к поселению. Видимо, у Перца опять поменялись планы. Сначала он хотел за Кипчаком заглянуть, а теперь вот куда-то в другую сторону подался.

– Что за деревня? – крикнул я.

– Не узнаешь? – проорал в ответ Перец.

Я не узнавал.

Перец стрельнул в меня из указательных пальцев, как из пистолетов. Я снова глянул вниз. Неужели? Но ведь раньше это поселение выглядело совсем по-другому. Не поселение, а так, куча мусора. А теперь прямо город маленький, прямо полис, даже памятник вроде как в центре. И стена вокруг. Цивилизация.

Горыны падали. Именно падали – скорость была бешеная. Земля становилась все больше и больше, расплзалась в стороны, поселение стремительно увеличивалось, я мог уже разглядеть отдельные дома и маленькие фигурки, похожие на поднявшихся на задние лапки муравьев. Фигурки суетливо бегали. Видимо, увидели нас. Перец подал знак, и горыны стали разворачивать крылья. Крылья вытягивались в стороны, скорость снижалась, и когда до земли осталось где-то с полкилометра, мы почти остановились. Перец сделал круговой жест пальцем, и горыны стали резать спираль.

Мы описывали медленные круги над городком, в котором наблюдалась паника. Гномы, гуси, свиньи, козы бегали, визжали, врезались друг в друга, так что даже не понять было, кто где. Я думал, что мы приземлимся на какую-нибудь площадь, но площадей не проглядывалось, а крыши нас вряд ли выдержали бы. Через двадцать кругов Перец выбрал относительно ровную площадку за стеной и указал туда. Драконы встали на мох. Мы спрыгнули и стали ждать. Гномы уже выстроились у ворот вдоль стены. Напряженной цепочкой. Я цыкнул зубом и вышел вперед, к народу.

Было удивительно легко. То ли от того, что на плечи не давила шуба, то ли потому, что вокруг была зелень и кислород, которого на севере мне здорово не хватало. Я улыбнулся и приветственно помахал гномам. Мол, здравствуйте, робята.

Гномовское скопление заволновалось, навстречу мне выдвинулся пожилой и, судя по костюму, авторитетный гном. Он нес на вытянутых руках блестящий поднос, и что-то там было на подносе, покрытое красивым платком.

– А вот и хлеб-соль, – цинично заметил Перец. – Только каравая что-то не видно. Наверное, просто соль-соль, старый гномовский обычай.

Гном приближался осторожно. Но боялся он, конечно, не нас, боялся он, конечно, горынов. Поскольку любой из горынов мог, наверное, за один жвачок хлопнуть штук восемь гномов, а может, и больше. Я понял опасения общественности и двинулся навстречу начальству, Перец же остался, сидел на лапе у Кия и поглядывал на нас с ехидцей.

Гном был какой-то знакомый. Кажется, тот самый, серый. Ну, тогда, когда я как царь Леонид...

– Приветствуем вас, доблестные рыцари, – произнес серый гном и поклонился.

Не, я его точно видел раньше, этого серого. Тогда, в день большой стрельбы. Я собирался уже принять поднос, однако Перец решил взять переговоры в свои руки. Подбежал, оттеснил меня, схватил поднос.

– Приветствуем вас, доблестные рыцари, – повторил гном.

– Здорово, папаша, – довольно бесцеремонно ответил Перец. – Как живете-то?

– Хорошо живем, спасибо.

– Ну и здорово. А чего тут?

Он сорвал платок с подноса. Под тем ничего не оказалось.

– Ключ от города, – прокомментировал гном.

Перец пригляделся к подносу. Я тоже пригляделся. Не знаю, может, я что-то не так понимал, но на подносе действительно не было ничего.

– Символический? – осведомился Перец.

Гном кивнул.

– Мило. – Перец взял у гнома поднос и передал его мне. – Нам надо поговорить, папаша. Обсудить внешнеполитическую обстановку. Силы зла не дремлют, вы в курсе?

– Да, конечно, – гном опять поклонился. – Конечно.

Он сделал приглашающий жест в сторону поселения.

– Хорошо. А этим... – И Перец похлопал гнома по спине и кивнул в сторону нашей крылатой троицы.

Лицо старика испуганно задрожало. Перец заметил и задумчиво почесал подбородок. Я понял, что Перец не удержится.

И Перец не удержался.

– Видишь ли, папаша, – проникновенно заговорил он, – наши птички, они... как бы получше выразиться... несколько разборчивы в пище. Овес они есть не будут, мороженой картошкой их тоже не удивишь...

Гном, кажется, начал догадываться, что картошкой драконов не удивишь. И чем сильнее он догадывался, тем больше бледнел. Что даже на сером фоне было заметно.

Перец продолжал.

– Это, папаша, как ты видишь, драконы, звери войны, валькирии, бестия морталес. Для поднятия боевого духа им требуется...

– У нас... – пролепетал гном, – у нас есть гуси...

– Не буду томить вас неизвестностью. Нам требуются три прекрасных юноши и три не менее прекрасных девы. На заклятие, так сказать...

– Перец, заткнись, – осадил его я. И, подхватив оседающего гнома, успокоил старичка: – Он шутит, вы не волнуйтесь. Просто у него манеры такие, дурное воспитание, мама в детстве его уронить уронила, а поймать не поймала. наших горынов, то есть драконов, действительно следует накормить, после дальнего перелета у них всегда аппетит повышается.

– А что они, – гном боязливо поглядел на ящеров, – предпочитают?

– Яблоки есть?

Гном кивнул.

– Каждому по бочке. Или кашу какую, лучше овсяную. И компотом напоите.

– Слушаюсь! – Гном поклонился. – Проходите, для нас большая честь... проходите в мужской дом...

И гном засеменил перед нами к воротам.

Сразу за воротами начиналась улица. С выдающимся названием – «Сноровка Персиваля». Мне даже приятно стало. Так ему, гаду! Пусть попозорится!

– Ты здесь пользуешься популярностью, – ехидно заметил я. – А что они имели в виду под сноровкой, вот интересно?

– Думаю, ты здесь популярен не меньше, – ответил Перец.

– Куда уж, – вздохнул я. – Мной ведь улицу не назвали, разве что маленький переулок...

– У тебя еще все впереди, – утешил Перец.

И на самом деле оказалось – все впереди.

Гномы расположились по обеим сторонам улицы «Сноровки Персиваля» и стояли, опустив глаза долу, ставив головные уборы. Я подумал, что так, наверное, крестьяне стояли, когда к ним барин приезжал.

– Тебе снятые шапки ничего не напоминают? – спросил Перец, указав на гномов.

– Нет, – ответил я.

– А мне напоминают, – Перец ухмыльнулся. – Мне они здорово напоминают боевой шлем участника проекта «Пчелиный Волк». И, мне кажется, тебя ждет сюрприз.

Перец захихикал.

– Какой еще сюрприз?

– Сюрприз на то он и сюрприз. Но тебе, мне кажется, понравится.

Про сюрприз не знаю, но сам Перец... Открылась в нем опять эта веселая забиячистая дурилка, некое злобно-бесшабашное состояние, самое неприятное из состояний Перца,

от которого я начинал уже уставать. В таком состоянии он непредсказуем. Отмочить все что угодно может.

Мы продвигались в глубь поселения по улице «Сноровка Персиваля». Домики постепенно становились выше и опрятнее, соломенные крыши сменялись черепичными, в окнах блестели разноцветные стекла, двери зеленели свеженькой краской – деревенька стала похожа на декорацию к фильму-сказке про швабских людоедов. И куда делись ранешние понурые хибары?

– Я гляжу, тут строительный бум, – заметил я. – Хорошие домики, сам бы в таком пожил...

– Точно, – кивнул Перец, – строительный бум. И домики хорошие.

– Из чего они, интересно, строят? – Я разглядывал дома. – Глины тут вроде нет...

– Саман.

– Саман? Но в саман же глина идет...

– Не всегда глина. Не обязательно только глина. В саман все липкие вещества идут. Главное, потом высушить хорошенько. Солома из иван-чая хорошая получается, навоз смешивается с соломой...

– Навоз? – поморщился я.

– А что, тебя это шокирует? Гномы бедные, они все из навоза строят, у них силикатного кирпича нет. Так что мы в навозном городке. Или считаешь, что пребывать в навозном городке выше твоего достоинства?

Я промолчал.

Гномы свернули вправо, на улицу с названием «Доброта Персиваля», и я подумал, что тут вполне можно обнаружить площадь «Ум Персиваля», переулок «Зоркость Персиваля», аллею «Волосы Персиваля» и так далее.

Меж тем улица «Доброта Персиваля» стала расширяться, мы приближались к центру поселения. Видимо, тут и располагался тот самый мужской дом.

Гномы, шагавшие впереди, принялись вдруг исподтишка на нас оглядываться. Даже скорее на меня, а не на нас. А Перец ухмылялся, будто знал чего.

Я не обратил внимания на все эти мелкие знаки, а следовало бы. Тогда бы успел морально подготовиться. Поскольку когда мы вышли на площадь...

Короче, у меня все-таки случился шок, честное слово. Вот если бы взяли девушку, которая всю жизнь проживала в интернате при консерватории, где ее обучали игре, скажем, на виолончели, а потом бы взяли и по какой-то зверской случайности отправили ее по распределению не в Большой театр, а в группу «Анаболик Бомберз».

Со мной получилось хуже.

На площади стоял памятник. Монумент. Статуя. Не знаю, как еще это можно назвать.

– Это... это...

Я хватал воздух и смотрел на памятник. Хотел провалиться сквозь землю. А лучше раствориться. Обратиться в легкий дым. Никогда в жизни не чувствовал себя таким идиотом, никогда! И, наверное, уже не почувствую.

– Это монумент! – услужливо пояснил Перец. – В память, так сказать, о доблестях...

Памятник был высок. Наверное, метров пять, не меньше.

Скульптор явно не очень хорошо разбирался в анатомии. Я был изображен в полный рост, однако пропорции не соблюдались – верхняя часть тела выглядела гораздо внушительней нижней, будто я всю жизнь неправильно качался, да еще с использованием стимулирующих препаратов.

Голова моя была невелика. Чтобы не прорабатывать лицо, а может, для придания ему черт внешнего героизма, скульптор водрузил на меня боевой шлем. Так что из лица наружу

торчал один лишь подбородок с кратерообразной ямочкой, в которую легко бы вошло куриное яйцо. В общем, подбородок повышенной мужественности.

Сразу от подбородка, без всякого размена на шею (про шею скульптор наивно позабыл), начиналось туловище. Отчего-то оно получилось квадратным. Но это был не классический, благородный в своей простоте квадрат, а какой-то... квадрат и бетономешалка одновременно. Неправдоподобно. Гигантомански. Страшно.

Но особенным гигантизмом отличались верхние, с позволения сказать, конечности – к туловищу крепились страшные в своей мускулистости руки. Пожалуй, руки были больше всех остальных частей тела, вместе взятых (если бы у меня на самом деле отросли такие руки, я не смог бы ходить), и держали револьверы. Но скульптор явно не очень был знаком с дизайном оружия, и особенности револьверов передать ему не удалось совершенно. Так что вблизи даже казалось, будто я показываю фиги.

Да, да, да! Я стоял на пьедестале и показывал в разные стороны гигантские фиги. Причем, должен я констатировать, несмотря на нехватку технических и общих представлений о монументальном искусстве, талант у автора присутствовал. Я, а вернее мой памятник, показывал фиги с такой зверской внутренней энергетикой, что на самом деле начинало казаться: он этими фигурами легко может кого-нибудь убить.

– Прекрасно! – Перец повернулся к гномам. – Отличное произведение, просто шедевр! Мы в восхищении! Знаете, я закажу, пожалуй, у вас копию. Один к десяти. Поставлю ее на рабочий стол для вдохновения.

Ага, опять Перца в шутовство перекособочило.

Гном поклонился.

– Мне тут больше всего нравится лицо. – Перец указал пальцем. – Такое лицо... достойное... Впрочем, стопроцентное сходство, оно ведь и не нужно, главное, что ощущение передано. Скульптор явно экспрессионист-самоучка...

– Автор монумента сам великий Кипчак Беззаветный, – сообщил старший гном. – Великий ваятель!

– Это точно, – поддакнул Перец.

– Рад, что смог внести вклад в мировую культуру, – сказал я.

Спасибо Кипчаку Беззаветному. И зачем я его тогда спас? Я его спасал, а он мне памятники черт-те из чего ставит... Надо было тогда пролететь мимо, пусть бы его гоблины сожрали с черемшой. Да уж, их бин гуманист...

Перец заплодировал.

– Куда нам? – мрачно спросил я. – Где ваш мужской дом?

Гном указал пальцем, и я быстро направился туда. В мужской дом имени Мужественности Персиваля.

Перец догнал.

– Это слава! – Он шагал рядом, поглядывая на меня. – Настоящая слава! Приятно, когда тебе ставят памятник из бронзы, достойно, когда из куска мрамора высекают твой бюст, или когда какие-нибудь майя или инки вытаптывают твой профиль в пустыне Наска – лишь бы только он был виден с пролетающих кораблей пришельцев. Но когда тебе ставят памятник из...

Перец расхохотался:

– Тебе оказана великая честь!

Потом он задумался на мгновение и вдруг выдал:

Если на сердце грустно,
Если в душе зима,
Пусть тебя успокоит,
Памятник из...

– Как тебе? «Памятник из...». Многозначительно! Пусть слушатель сам догадывается, из чего «из». Конечно, сюда больше подошли бы слова великого Пушкина. – Перец снова бросил взгляд на скульптурную гадость. – Как там он писал? Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет... Ну и так далее. Воистину нерукотворный, трудно соперничать с классиком в точности определений.

Вот так.

– Ты бы был счастлив, если бы тебе «памятник из» построили? – спросил я.

– Хм, с какой стороны смотреть, – принялся философствовать Перец. – Не исключено, что в контексте господствующих ныне представлений о прекрасном этот памятник и не может быть признан однозначно выдержанным, однако для гномов саман – чрезвычайно ценное вещество, я уже говорил. Для них это все равно, что построить памятник из золота. Вспомни, кто из великих царей удостоивался подобной чести? В лучшем случае бронза...

Я все никак не мог понять: издевается он или нет? Мне что, на самом деле полагается приходить в восторг от того, что в мою честь тут поставили «памятник из»?

Может, взорвать его, монумент? Нет, не пойдет. Взорвешь его, еще хуже будет – попадешь в легенду. Уничтоженные памятники любят даже больше. Я вздохнул потихоньку и стал терпеть.

Мужской дом представлял собой сложенный из кирпича куб без окон, с одной-единственной невысокой даже для гномовского роста дверью. Я хотел ускорить шаг, поскольку, по всей видимости, мужской дом был единственным местом во всем поселении, откуда ужасный памятник не был виден. Но ускориться не получилось – поперек дороги выбрела свинья, запряженная в небольшую телегу, груженную репой. На свинье сидел верхом мелкий гноменок, который при виде нашей процессии испугался, спрыгнул и убежал. Телега перегородила проход, гномы засуетились и попробовали ее убрать. Свинья уперлась и сходить с места не собиралась.

Но тут Перец вдруг крикнул:

– Довольно!

Он прошмыгнул мимо и лихо запрыгнул на телегу. Гномы почтительно замолчали, а некоторые даже сняли шапки. Сейчас будет речь. Что за жизнь...

– Друзья! – Перец умудрился принять среди репы героическую позу. – Друзья мои! Я вижу, память о нашем герое увековечена должным образом. Прекрасно! Герой растроган до слез!

Перец указал на меня. Гномы тоже уставились на меня. Я покраснел. Перец продолжал:

– А между тем этого мало.

Я посмотрел на Перца с удивлением. Памятника ему мало? Ну да, ему мало...

– Да-да, – повторил он, – этого мало. Мой друг проливал за вас кровь, защитил вас от тяжести тирании, а вы ограничились памятником. Этого мало. Мало, друзья мои, мало. Надо сделать больше! Много больше!

Гномы дружно, но одобряюще вздохнули.

– Надо сделать больше... И я расскажу, что именно надо сделать. Все просто. Надо оказать герою честь, заслуженную им. Я предлагаю следующее: назвать всех мальчиков и девочек именем нашего героя. Всех новорожденных назвать, а всех уже давно рожденных переименовать!

Гномы слушали.

– Почему такая дискриминация? – вопрошал Перец. – Почему такое однообразие в названиях улиц? Это надо исправить!

Я хотел возразить, мол, спасибо, улица Безымянного Героя мне не нужна. Но промолчал. Как всегда в своем малодушии.

Гномы захлопали, а Перец продолжал:

– У вас есть прекрасный памятник, а я предлагаю вам большее. Нужно сделать маленькие копии этого... – Перец указал в монумент. – Точно такие же и из такого же материала. Маленькие статуйки вы должны поставить в каждом доме на самом почетном месте...

Вот сволочь, подумал я.

– И каждый вечер перед сном вы должны обращаться к этим маленьким статуэткам со словами глубокого почтения и уважения. И тогда на вас снизойдет удача! И будут ваши копыта быстры, а силки затягивы! А по понедельникам, один раз в семь дней, вы должны намазывать статуэтку барсучьим салом, что принесет богатый урожай. Богатый!

Я стал вспоминать, в каком из моих револьверов пластиковые пули. Стрельну Перцу в ногу, пусть упадет. Или в ребра – пусть закричит.

Но стрелять не пришлось. Испугалась свинья. Ну, та, в которую была впряжена телега. Свинья дернулась (возможно, ее напугало слово «сало»), Перец не удержался на ногах и хлопнулся на землю.

Свиньи здесь всегда вступают в самый неожиданный момент. Почему-то.

Есть справедливость на свете. Жаль только, ногу он не сломал. И ребра не сломал. И не закричал. Нет справедливости на свете.

Гномы перепуганно замолчали.

– Ну, довольно, – сказал Перец, восстав из грязи. – Теперь неплохо бы и пожрать.

Настроение у него было уже не шибко веселое почему-то. Наверное, все же ушибся.

Гномы одобрительно и расслабленно загудели, и мы продолжили путь к мужскому дому.

Мужской дом внутри оказался пуст. Строгие скамьи по стенам и большой стол в центре. С угощениями. Сыр, яблоки, пирожки с яблоками, пирожки с сыром. Капуста по-грузински, капуста квашеная, зелень разная. Квас в бочонках.

– Откушайте, – просто сказал гном.

Люблю простых. Простые, они всегда хорошо кормят. Чем человек непроще, тем у него порции меньше.

– Благодарю, – сказал я и придвинулся к столу, устраиваясь напротив блюда с пирожками.

А Перец к столу не прошел, напустил на себя мизантропию. Судя по его кривой роже, на него сейчас как раз депрессия накатывалась, мировая скорбь разная. Отходняк у него начался – слишком много веселился. Теперь худо ему будет.

Ну и пусть, пусть кровь себе попортит. Я вспомнил о порче крови и чтобы не портить себе настроение, приступил к трапезе. Начал с пирожков, и они были хороши, особенно с сыром.

Перец не выдержал, тоже подсел. Подтянул к себе миску с капустой, принялся уныло хрустеть.

Гномы пылились поодаль, не осмеливались подойти. Может, оно и правильно, я все-таки памятник. Рядом с нами стояли лишь двое – видимо, старейшины.

Еда была ничего, особенно после полярного рациона. Свежие яблоки, свежий сыр, а квас оказался сидром, но тоже ничего. Да и вообще, люблю встречаться с человеческой пищей. А Перец все что-то маялся, никак не мог поесть по-нормальному. Похрустит капусткой – поморщится, откусит от яблока – отложит. В кружку через соломку булькал, из сыра каких-то человечков лепил. Тоже мне Роден. Мне это надоело, и я решил сам выяснить все нас интересующее.

– А где же Кипчак? – спросил я после очередной кружки. – Он что, в отлучке?

– Великий Кипчак Беззаветный ушел, – горестно вздохнул гном. – Совсем недавно ушел. Все нам тут наладил, показал, как делать кирпичи, как ставить памятник...

Скрипнув зубами, я спросил:

– А почему же он ушел?

– Нести свет в народ гномов. Учить гномов делать кирпичи. Учить гномов читать. Ставить памятники. Воевать с гоблинами.

Я икнул и сразу представил: по всей Стране Мечты стоят памятники, показывающие фи́ги небесам, и все монументы здорово походят на меня, а во всех домишках стоят мои статуи, тоже с фи́гами, да еще и намазанные барсучьим жиром.

Превратности судьбы: хотел выйти к людям во всем блестящем, а вместо этого саман и барсучий жир...

– Кипчак Беззаветный велик, – сказал старый гном. – Совет старейшин нашего пуэбло предлагает организовать Первый гномовский деспотат и избрать Кипчака Первым деспотом.

Пере́ц едва не поперхнулся.

– Отличная идея, – согласился я. – Первый гномовский деспотат – это здорово! Мы со своей стороны поддерживаем всеми силами. Но деспот не может носить такое имя – Кипчак. Что такое Кипчак? Пусть даже и Беззаветный? Очень уж простое имя, сельскохозяйственное. Не к лицу Первому гномовскому деспоту зваться Кипчаком, не к лицу...

Я задумчиво поглядел в потолок, сделав вид, что впал в мысли. Гном принялся заглядывать мне в глаза.

– Можем ли мы, – приплясывал он, – можем ли мы рассчитывать на вашу помощь?

– Можете, – снисходительно обронил я. – Мне как раз только что пришло в голову удивительное имя.

– Да? – Гном аж чуть не подпрыгнул.

– Да, – кивнул я и хорошенько прихлебнул из кружки.

– И какое же? – спросил гном уже почти с благоговением.

Я помолчал. Тоже благоговейно.

– Какое? – уже тихонечко спросил гном с надеждой.

– Пердикка, – отвечивал я.

– О-о-о... – протянул ошарашенный гном.

Я с трудом удержался, чтоб не рассмеяться. Пере́ц не реагировал, ковырялся в хлебе. А гном смотрел на меня с большим вниманием.

– Пердикка Беззаветный, – повторил я. – Славное имя! Звучное!

Вот так тебе, Кипчак! Получи, гад! Будешь знать, как мне памятники ставить!

– Пердикка Беззаветный! – провозгласил я. – Имя героя!

– Да! – восторженно кивал гном. – Да!

Пере́ц растерянно возил пальцем по столу.

– К тому же это имя отмечено известной доблестью – так звали соратника великого полководца людей Александра Македонского, – продолжал я. – Так что можете смело называть Кипчака Пердиккой. За Пердикку Первого Беззаветного!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.